

В списках не значился

Автор:

Борис Васильев

В списках не значился

Борис Львович Васильев

День Победы. Классика военной литературы

Борис Васильев (1924–2013) ушел на фронт в 17 лет, как и тысячи других юношей и девушек, обивавших в тот год пороги военкоматов. И Борис Львович написал именно о них, тех, кто сражался с ним плечом к плечу, таких же юных, как он сам. Главный герой романа Николай Плужников, как и автор, совсем молод в начале войны. Как и автор, он стремительно взрослеет – теряя товарищей, поливая кровью родную землю. И по воле автора уходит в бессмертие. Читатели подтвердили – Николай Плужников шагнул в бессмертие. Величественный и драматический, роман стал классикой отечественной литературы.

Книга рекомендована для внеклассного чтения.

Борис Васильев

В списках не значился

© Васильев Б. Л., наследники, 2015

* * *

За всю жизнь Коле Плужникову не встречалось столько приятных неожиданностей, сколько выпало в последние три недели. Приказа о присвоении ему, Николаю Петровичу Плужникову, воинского звания он ждал давно, но вслед за приказом приятные неожиданности посыпались в таком изобилии, что Коля просыпался по ночам от собственного смеха.

После утреннего построения, на котором был зачитан приказ, их сразу же повели в вещевой склад. Нет, не в общий, курсантский, а в тот, заветный, где выдавались немыслимой красоты хромовые сапоги, хрустящие портупей, негнущиеся кобуры, командирские сумки с гладкими лаковыми планшетками, шинели на пуговицах и гимнастерка из строгой диагонали. А потом все, весь выпуск, бросились к училищным портным, чтобы подогнать обмундирование и в рост и в талию, чтобы влиться в него, как в собственную кожу. И там толкались, возились и так хохотали, что под потолком начал раскачиваться казенный эмалированный абажур.

Вечером сам начальник училища поздравлял каждого с окончанием, вручал «Удостоверение личности командира РККА» и увесистый «ТТ». Безусые лейтенанты оглушительно выкрикивали номер пистолета и изо всей силы тискали сухую генеральскую ладонь. А на банкете восторженно качали командиров учебных взводов и порывались свести счета со старшиной. Впрочем, все обошлось благополучно, и вечер этот – самый прекрасный из всех вечеров – начался и закончился торжественно и красиво.

Почему-то именно в ночь после банкета лейтенант Плужников обнаружил, что он хрустит. Хрустит приятно, громко и мужественно. Хрустит свежей кожей портупей, необмятым обмундированием, сияющими сапогами. Хрустит весь, как новенький рубль, которого за эту особенность мальчишки тех лет запросто называли «хрустом».

Собственно, все началось несколько раньше. На бал, который последовал после банкета, вчерашние курсанты явились с девушками. А у Коли девушки не было,

и он, запинаясь, пригласил библиотекаршу Зою. Зоя озабоченно поджала губы, сказала задумчиво: «Не знаю, не знаю...» – но пришла. Они танцевали, и Коля от жгучей застенчивости все говорил и говорил, а так как Зоя работала в библиотеке, то говорил он о русской литературе. Зоя сначала поддакивала, а в конце обидчиво оттопырила неумело покрашенные губы:

– Уж больно вы хрустите, товарищ лейтенант.

На училищном языке это означало, что лейтенант Плужников задается. Тогда Коля так это и понял, а придя в казарму, обнаружил, что хрустит самым натуральным и приятным образом.

– Я хрущу, – не без гордости сообщил он своему другу и соседу по койке.

Они сидели на подоконнике в коридоре второго этажа. Было начало июня, и ночи в училище пахли сиренью, которую никому не разрешалось ломать.

– Хрусти себе на здоровье, – сказал друг. – Только, знаешь, не перед Зойкой: она – дура, Колька. Она жуткая дура и замужем за старшиной из взвода боепитания.

Но Коля слушал вполуха, потому что изучал хруст. И хруст этот очень ему нравился.

На следующий день ребята стали разъезжаться: каждому полагался отпуск. Прощались шумно, обменивались адресами, обещали писать и один за другим исчезали за решетчатыми воротами училища.

А Коле проездные документы почему-то не выдавали (правда, езды было всего ничего: до Москвы). Коля подождал два дня и только собрался идти узнавать, как дневальный закричал издали:

– Лейтенанта Плужникова к комиссару!..

Комиссар, очень похожий на вдруг постаревшего артиста Чиркова, выслушал доклад, пожал руку, указал, куда сесть, и молча предложил папиросы.

– Я не курю, – сказал Коля и начал краснеть: его вообще кидало в жар с легкостью необыкновенной.

– Молодец, – сказал комиссар. – А я, понимаешь, все никак бросить не могу, не хватает у меня силы воли.

И закурил. Коля хотел было посоветовать, как следует закалять волю, но комиссар заговорил вновь:

– Мы знаем вас, лейтенант, как человека исключительно добросовестного и исполнительного. Знаем также, что в Москве у вас мать с сестренкой, что не видели вы их два года и соскучились. И отпуск вам положен. – Он помолчал, вылез из-за стола, прошелся, сосредоточенно глядя под ноги. – Все это мы знаем и все-таки решили обратиться с просьбой именно к вам... Это – не приказ, это – просьба, учтите, Плужников. Приказывать вам мы уже права не имеем...

– Я слушаю, товарищ полковой комиссар. – Коля вдруг решил, что ему предложат идти работать в разведке, и весь напрягся, готовый оглушительно заорать: «Да!»

– Наше училище расширяется, – сказал комиссар. – Обстановка сложная, в Европе – война, и нам необходимо иметь как можно больше общевойсковых командиров. В связи с этим мы открываем еще две учебные роты. Но штаты их пока не укомплектованы, а имущество уже поступает. Вот мы и просим вас, товарищ Плужников, помочь с этим имуществом разобраться. Принять его, оприходовать...

И Коля Плужников остался в училище на странной должности «куда пошлют». Весь курс его давно разъехался, давно крутил романы, загорал, купался, танцевал, а Коля прилежно считал постельные комплекты, погонные метры портянок и пары яловых сапог. И писал всякие докладные.

Так прошло две недели. Две недели Коля терпеливо, от подъема до отбоя и без выходных, получал, считал и приходовал имущество, ни разу не выйдя за ворота, словно все еще был курсантом и ждал увольнительной от сердитого старшины.

В июне народу в училище осталось мало: почти все уже выехали в лагеря. Обычно Коля ни с кем не встречался, по горло занятый бесконечными подсчетами, ведомостями и актами, но как-то с радостным удивлением обнаружил, что его... приветствуют. Приветствуют по всем правилам армейских уставов, с курсантским шиком выбрасывая ладонь к виску и лихо вскидывая подбородок. Коля изо всех сил старался отвечать с усталой небрежностью, но сердце его сладко замирало в приступе молодого тщеславия.

Вот тогда-то он и начал гулять по вечерам. Заложив руки за спину, шел прямо на группки курсантов, куривших перед сном у входа в казарму. Утомленно глядел строго перед собой, а уши росли и росли, улавливая осторожный шепот:

- Командир...

И, уже зная, что вот-вот ладони упруго взлетят к вискам, старательно хмурил брови, стремясь придать своему круглому, свежему, как французская булка, лицу выражение невероятной озабоченности...

- Здравствуйте, товарищ лейтенант.

Это было на третий вечер: носом к носу – Зоя. В теплых сумерках холодком сверкали белые зубы, а многочисленные оборки шевелились сами собой, потому что никакого ветра не было. И этот живой трепет был особенно пугающим.

- Что-то вас нигде не видно, товарищ лейтенант. И в библиотеку вы больше не приходите...

- Работа.

- Вы при училище оставлены?

- У меня особое задание, – туманно сказал Коля.

Они почему-то уже шли рядом и совсем не в ту сторону.

Зоя говорила и говорила, непрерывно смеясь; он не улавливал смысла, удивляясь, что так покорно идет не в ту сторону. Потом он с беспокойством

подумал, не утратило ли его обмундирование романтического похрустывания, повел плечом, и портупея тотчас же ответила тугим благородным скрипом...

- ...Жутко смешно! Мы так смеялись, так смеялись. Да вы не слушаете, товарищ лейтенант.

- Нет, я слушаю. Вы смеялись.

Она остановилась: в темноте вновь блеснули ее зубы. И он уже не видел ничего, кроме этой улыбки.

- Я ведь нравилась вам, да? Ну, скажите, Коля, нравилась?..

- Нет, - шепотом ответил он. - Просто... Не знаю. Вы ведь замужем.

- Замужем?.. - Она шумно засмеялась. - Замужем, да? Вам сказали? Ну и что же, что замужем? Я случайно вышла за него, это была ошибка...

Каким-то образом он взял ее за плечи. А может быть, и не брал, а она сама так ловко повела ими, что его руки оказались вдруг на ее плечах.

- Между прочим, он уехал, - деловито сказала она. - Если пройти по этой аллейке до забора, а потом вдоль забора до нашего дома, так никто и не заметит. Вы хотите чаю, Коля, правда?

Он уже хотел чаю, но тут темное пятно двинулось на них из аллеяного сумрака, наплыло и сказало:

- Извините.

- Товарищ полковой комиссар! - отчаянно крикнул Коля, бросившись за шагнувшей в сторону фигурой. - Товарищ полковой комиссар, я...

- Товарищ Плужников? Что же это вы девушку оставили? Ай, ай.

– Да, да, конечно. – Коля метнулся назад, сказал торопливо: – Зоя, извините. Дела. Служебные дела.

Что Коля бормотал комиссару, выбираясь из сиреновой аллеи на спокойный простор училищного плаца, он намертво забыл уже через час. Что-то насчет портяночного полотна нестандартной ширины или, кажется, стандартной ширины, но зато не совсем полотна... Комиссар слушал, слушал, а потом спросил:

– Это что же, подруга ваша была?

– Нет, нет, что вы! – испугался Коля. – Что вы, товарищ полковой комиссар, это же Зоя, из библиотеки. Я ей книгу не сдал, вот и...

И замолчал, чувствуя, что краснеет: он очень уважал добродушного пожилого комиссара и врать стеснялся. Впрочем, комиссар заговорил о другом, и Коля кое-как пришел в себя.

– Это хорошо, что документацию вы не запускаете: мелочи в нашей военной жизни играют огромную дисциплинирующую роль. Вот, скажем, гражданский человек иногда может себе кое-что позволить, а мы, кадровые командиры Красной армии, не можем. Не можем, допустим, пройтись с замужней женщиной, потому что мы на виду, мы обязаны всегда, каждую минуту быть для подчиненных образцом дисциплины. И очень хорошо, что вы это понимаете... Завтра, товарищ Плужников, в одиннадцать тридцать прошу прибыть ко мне. Поговорим о вашей дальнейшей службе, может быть, пройдем к генералу.

– Есть...

– Ну, значит, до завтра. – Комиссар подал руку, задержал, сказал тихо: – А книжку в библиотеку придется вернуть, Коля. Придется!..

Очень, конечно, получилось нехорошо, что пришлось обмануть товарища полкового комиссара, но Коля почему-то не слишком огорчился. В перспективе ожидалось возможное свидание с начальником училища, и вчерашний курсант ждал этого свидания с нетерпением, страхом и трепетом, словно девушка – встречи с первой любовью. Он встал задолго до подъема, надраил

до самостоятельного свечения хрустящие сапоги, подшил свежий подворотничок и начистил все пуговицы. В комсоставской столовой – Коля чудовищно гордился, что кормится в этой столовой и лично расплачивается за еду, – он ничего не мог есть, а только выпил три порции компота из сухофруктов. И ровно в одиннадцать прибыл к комиссару.

– А, Плужников, здорово! – Перед дверью комиссарского кабинета сидел лейтенант Горобцов – бывший командир Колиного учебного взвода, – тоже начищенный, выутюженный и затянутый. – Как делишки? Закругляешься с портянками?

Плужников был человеком обстоятельным и поэтому поведал о своих делах все, втайне удивляясь, почему лейтенант Горобцов не интересуется, что он, Коля, тут делает. И закончил с намеком:

– Вчера товарищ полковой комиссар меня тоже о делах расспрашивал. И велел...

– Слушай, Плужников, – понизив голос, вдруг перебил Горобцов. – Если тебя к Величко будут сватать, ты не ходи. Ты ко мне просись, ладно? Мол, давно вместе служим, сработались...

Лейтенант Величко тоже был командиром учебного взвода, но второго, и вечно спорил с лейтенантом Горобцовым по всем поводам. Коля ничего не понял из того, что сообщил ему Горобцов, но вежливо покивал. А когда раскрыл рот, чтобы попросить разъяснений, запахнулась дверь комиссарского кабинета и вышел сияющий и тоже очень парадный лейтенант Величко.

– Роту дали, – сказал он Горобцову. – Желая того же!

Горобцов вскочил, привычно одернул гимнастерку, согнав одним движением все складки назад, и вошел в кабинет.

– Привет, Плужников, – сказал Величко и сел рядом. – Ну, как дела, в общем и целом? Все сдал и все принял?

– В общем, да. – Коля вновь обстоятельно рассказал о своих делах. Только ничего не успел намекнуть насчет комиссара, потому что нетерпеливый Величко

перебил раньше:

– Коля, будут предлагать – просись ко мне. Я там несколько слов сказал, но ты, в общем и целом, просись.

– Куда проситься?

Тут в коридор вышли полковой комиссар и лейтенант Горобцов, и Величко с Колей вскочили. Коля начал было «по вашему приказанию...», но комиссар не дослушал:

– Идем, товарищ Плужников, генерал ждет. Вы свободны, товарищи командиры.

К начальнику училища они прошли не через приемную, где сидел дежурный, а через пустую комнату. В глубине этой комнаты была дверь, в которую комиссар вышел, оставив озабоченного Колю одного.

До сих пор Коля встречался с генералом, когда генерал вручал ему удостоверение и личное оружие, которое так приятно оттягивало бок. Была, правда, еще одна встреча, но Коля о ней вспоминать стеснялся, а генерал навсегда забыл.

Встреча эта состоялась два года назад, когда Коля – еще гражданский, но уже стриженный под машинку – вместе с другими стриженными только-только прибыл с вокзала в училище. Прямо на плацу они сгрузили чемоданы, и усатый старшина (тот самый, которого они порывались отлупить после банкета) приказал всем идти в баню. Все и пошли – еще без строя, гуртом, громко разговаривая и смеясь, – а Коля замешкался, потому что натер ногу и сидел босиком. Пока он напяливал ботинки, все уже скрылись за углом. Коля вскочил, хотел было кинуться следом, но тут его вдруг окликнули:

– Куда же вы, молодой человек?

Сухонький, небольшого роста генерал сердито смотрел на него.

– Здесь армия, и приказы в ней исполняются беспрекословно. Вам приказано охранять имущество, вот и охраняйте, пока не придет смена или не отменят

приказ.

Приказа Коле никто не давал, но Коля уже не сомневался, что приказ этот как бы существовал сам собой. И поэтому, неумело вытянувшись и сдавленно крикнув: «Есть, товарищ генерал!» – остался при чемоданах.

А ребята, как на грех, куда-то провалились. Потом выяснилось, что после бани они получили курсантское обмундирование, и старшина повел их в портняжную мастерскую, чтобы каждый подогнал одежду по фигуре. Все это заняло уйму времени, а Коля покорно стоял возле никому не нужных вещей. Стоял и чрезвычайно гордился этим, словно охранял склад с боеприпасами. И никто на него не обращал внимания, пока за вещами не пришли двое хмурых курсантов, получивших внеочередные наряды за вчерашнюю самоволку.

– Не пуцу! – закричал Коля. – Не смейте приближаться!..

– Чего? – довольно грубо поинтересовался один из штрафников. – Вот сейчас дам по шее...

– Назад! – воодушевленно заорал Плужников. – Я – часовой! Я приказываю!..

Оружия у него, естественно, не было, но он так вопил, что курсанты на всякий случай решили не связываться. Пошли за старшим по наряду, но Коля и ему не подчинился и потребовал либо смены, либо отмены. А поскольку никакой смены не было и быть не могло, то стали выяснять, кто назначил его на этот пост. Однако Коля в разговоры вступать отказался и шумел до тех пор, пока не явился дежурный по училищу. Красная повязка подействовала, но, сдав пост, Коля не знал, куда идти и что делать. И дежурный тоже не знал, а когда разобрались, баня уже закрылась, и Коле пришлось еще сутки прожить штатским человеком, но зато навлечь на себя мстительный гнев старшины...

И вот сегодня предстояло в третий раз встретиться с генералом. Коля желал этого и отчаянно трусил, потому что верил в таинственные слухи об участии генерала в испанских событиях. А поверив, не мог не бояться глаз, совсем еще недавно видевших настоящих фашистов и настоящие бои.

Наконец-то приоткрылась дверь, и комиссар поманил его пальцем. Коля поспешно одернул гимнастерку, облизнул пересохшие вдруг губы и шагнул

за глухие портьеры.

Вход был напротив официального, и Коля оказался за сутулой генеральской спиной. Это несколько смутило его, и доклад он прокричал не столь отчетливо, как надеялся. Генерал выслушал и указал на стул перед столом. Коля сел, положив руки на колени и неестественно выпрямившись. Генерал внимательно поглядел на него, надел очки (Коля чрезвычайно расстроился, увидев эти очки...) и стал читать какие-то листки, подшитые в красную папку: Коля еще не знал, что именно так выглядит его, лейтенанта Плужникова, личное дело.

- Все пятерки - и одна тройка? - удивился генерал. - Отчего же тройка?

- Тройка по матобеспечению, - сказал Коля, густо, как девушка, покраснев. - Я пересдам, товарищ генерал.

- Нет, товарищ лейтенант, поздно уже, - усмехнулся генерал.

- Отличные характеристики со стороны комсомола и со стороны товарищей, - негромко сказал комиссар.

- Угу, - подтвердил генерал, снова погружаясь в чтение.

Комиссар отошел к открытому окну, закурил и улыбнулся Коле, как старому знакомому. Коля в ответ вежливо шевельнул губами и вновь напряженно уставился в генеральскую переносицу.

- А вы, оказывается, отлично стреляете? - спросил генерал. - Призовой, можно сказать, стрелок.

- Честь училища защищал, - подтвердил комиссар.

- Прекрасно! - Генерал закрыл красную папку, отодвинул ее и снял очки. - У нас есть к вам предложение, товарищ лейтенант.

Коля с готовностью подался вперед, не проронив ни слова. После должности уполномоченного по портянкам он уже не надеялся на разведку.

– Мы предлагаем вам остаться при училище командиром учебного взвода, – сказал генерал. – Должность ответственная. Вы какого года?

– Я родился двенадцатого апреля тысяча девятьсот двадцать второго года! – отбарабанил Коля.

Он сказал машинально, потому что лихорадочно соображал, как поступить. Конечно, предлагаемая должность была для вчерашнего выпускника чрезвычайно почетной, но Коля не мог вот так, вдруг, вскочить и заорать: «С удовольствием, товарищ генерал!» Не мог потому, что командир – он был твердо убежден в этом – становится настоящим командиром, только послужив в войсках, похлебав с бойцами из одного котелка, научившись командовать ими. А он хотел стать таким командиром и поэтому пошел в общевойсковое училище, когда все бредили авиацией или на крайний случай танками.

– Через три года вы будете иметь право поступать в академию, – продолжал генерал. – А судя по всему, вам следует учиться дальше.

– Мы даже предоставим вам право выбора, – улыбнулся комиссар. – Ну, в чью роту хочешь: к Горобцову или к Величко?

– Горобцов ему, наверно, надоел, – усмехнулся генерал.

Коля хотел сказать, что Горобцов совсем ему не надоел, что он отличный командир, но все это ни к чему, потому что он, Николай Плужников, оставаться в училище не собирается. Ему нужна часть, бойцы, потная лямка взводного – все то, что называется коротким словом «служба». Так он хотел сказать, но слова запутались в голове, и Коля вдруг опять начал краснеть.

– Можете закурить, товарищ лейтенант, – сказал генерал, пряча улыбку. – Покурите, обдумайте предложение...

– Не выйдет, – вздохнул полковой комиссар. – Не курит он, вот незадача.

– Не курю, – подтвердил Коля и осторожно прокашлялся. – Товарищ генерал, разрешите?

– Слушаю, слушаю.

– Товарищ генерал, я благодарю вас, конечно, и большое спасибо за доверие. Я понимаю, что это – большая честь для меня, но все-таки разрешите отказаться, товарищ генерал.

– Почему? – Полковой комиссар нахмурился, шагнул от окна. – Что за новости, Плужников?

Генерал молча смотрел на него. Смотрел с явным интересом, и Коля приободрился:

– Я считаю, что каждый командир должен сначала послужить в войсках, товарищ генерал. Так нам говорили в училище, и сам товарищ полковой комиссар на торжественном вечере тоже говорил, что только в войсковой части можно стать настоящим командиром.

Комиссар растерянно кашлянул и вернулся к окну. Генерал по-прежнему смотрел на Колю.

– И поэтому большое вам, конечно, спасибо, товарищ генерал, – поэтому я очень вас прошу: пожалуйста, направьте меня в часть. В любую часть и на любую должность.

Коля замолчал, и в кабинете возникла пауза. Однако ни генерал, ни комиссар не замечали ее, но Коля чувствовал, как она тянется, и очень смущался.

– Я, конечно, понимаю, товарищ генерал, что...

– А ведь он молодчага, комиссар, – вдруг весело сказал начальник. – Молодчага ты, лейтенант, ей-богу, молодчага!

А комиссар неожиданно рассмеялся и крепко хлопнул Колю по плечу:

– Спасибо за память, Плужников!

И все трое заулыбались так, будто нашли выход из не очень удобного положения.

- Значит, в часть?

- В часть, товарищ генерал.

- Не передумаешь? - Начальник вдруг перешел на «ты» и обращения этого уже не менял.

- Нет.

- И все равно, куда пошлют? - спросил комиссар. - А как же мать, сестренка?.. Отца у него нет, товарищ генерал.

- Знаю. - Генерал спрятал улыбку, смотрел серьезно, барабанил пальцами по красной папке. - Особый Западный устроит, лейтенант?

Коля зарозовел: о службе в Особых округах мечтали как о невысказанной удаче.

- Командиром взвода согласен?

- Товарищ генерал!.. - Коля вскочил и сразу сел, вспомнив о дисциплине. - Большое, большое спасибо, товарищ генерал!..

- Но с одним условием, - очень серьезно сказал генерал. - Даю тебе, лейтенант, год войсковой практики. А ровно через год я тебя назад затребую, в училище, на должность командира учебного взвода. Согласен?

- Согласен, товарищ генерал. Если прикажете...

- Прикажем, прикажем! - засмеялся комиссар. - Нам такие некурящие страсть как нужны.

- Только есть тут одна неприятность, лейтенант: отпуска у тебя не получается. Максимум в воскресенье ты должен быть в части.

– Да, не придется тебе у мамы в Москве погостить, – улыбнулся комиссар. – Она где там живет?

– На Остоженке... То есть теперь это называется Метростроевская.

– На Остоженке... – вздохнул генерал и, встав, протянул Коле руку: – Ну, счастливо служить, лейтенант. Через год жду, запомни!

– Спасибо, товарищ генерал. До свидания! – прокричал Коля и строевым шагом вышел из кабинета.

В те времена с билетами на поезда было сложно, но комиссар, провожая Колю через таинственную комнату, пообещал билет этот раздобыть. Весь день Коля сдавал дела, бегал с обходным листком, получал в строевом отделении документы. Там его ждала еще одна приятная неожиданность: начальник училища приказом объявлял ему благодарность за выполнение особого задания. А вечером дежурный вручил билет, и Коля Плужников, аккуратно распрощавшись со всеми, отбыл к месту новой службы через город Москву, имея в запасе три дня: до воскресенья...

2

В Москву поезд прибывал утром. До Кропоткинской Коля доехал на метро – самом красивом метро в мире; он всегда помнил об этом и испытывал невероятное чувство гордости, спускаясь под землю. На станции «Дворец Советов» он вышел; напротив поднимался глухой забор, за которым что-то стучало, шипело и грохало. И на этот забор Коля тоже смотрел с огромной гордостью, потому что за ним закладывался фундамент самого высокого здания в мире: Дворца Советов с гигантской статуей Ленина наверху.

Возле дома, откуда он два года назад ушел в училище, Коля остановился. Дом этот – самый обыкновенный многоквартирный московский дом со сводчатыми воротами, глухим двором и множеством кошек, – дом этот был совсем по-особому дорог ему. Здесь он знал каждую лестницу, каждый угол и каждый кирпич в каждом углу. Это был его дом, и если понятие «Родина» ощущалось как нечто грандиозное, то дом был попросту самым родным местом на всей земле.

Коля стоял возле дома, улыбался и думал, что там, во дворе, на солнечной стороне, наверняка сидит Матвеевна, вяжет бесконечный чулок и заговаривает со всеми, кто проходит мимо. Он представил, как она остановит его и спросит, куда он идет, чей он и откуда. Он почему-то был уверен, что Матвеевна ни за что его не узнает, и заранее радовался.

И тут из ворот вышли две девушки. На той, которая была чуть повыше, платье было с короткими рукавчиками, но вся разница между девушками на этом и кончалась: они носили одинаковые прически, одинаковые белые носочки и белые прорезиненные туфли. Маленькая мельком глянула на затянутого до невозможности лейтенанта с чемоданом, свернула вслед за подругой, но вдруг замедлила шаг и еще раз оглянулась.

- Вера? - шепотом спросил Коля. - Верка, чертенок, это ты?..

Визг был слышен у Манежа. Сестра с разбегу бросилась на шею, как в детстве, подогнув колени, и он едва устоял: она стала довольно-таки тяжеленькой, эта его сестренка...

- Коля! Колечка! Колька!..

- Какая же ты большая стала, Вера.

- Шестнадцать лет! - с гордостью сказала она. - А ты думал, ты один растешь, да? Ой, да ты уже лейтенант! Валюшка, поздравь товарища лейтенанта.

Высокая, улыбаясь, шагнула навстречу:

- Здравствуй, Коля.

Он уткнулся взглядом в обтянутую ситцем грудь. Он отлично помнил двух худющих девчонок, голенастых, как кузнечики. И поспешно отвел глаза:

- Ну, девочки, вас не узнать...

- Ой, нам в школу! - вздохнула Вера. - Сегодня последнее комсомольское, и не пойти просто невозможно.

– Вечером встретимся, – сказала Валя.

Она беззастенчиво разглядывала его удивительно спокойными глазами. От этого Коля смущался и сердился, потому что был старше и по всем законам смущаться должны были девчонки.

– Вечером я уезжаю.

– Куда? – удивилась Вера.

– К новому месту службы, – не без важности сказал он. – Я тут проездом.

– Значит, в обед. – Валя опять поймала его взгляд и улыбнулась. – Я патефон принесу.

– Знаешь, какие у Валяшки пластиночки? Польские, закачаешься!.. Вшистка мни едно, вшистка мни едно... – пропела Вера. – Ну, мы побежали.

– Мама дома?

– Дома!

Они действительно побежали – налево, к школе: он сам бегал этим путем десять лет. Коля глядел вслед, смотрел, как взлетают волосы, как бьются платья и загорелые икры, и хотел, чтобы девочки оглянулись. И подумал: «Если оглянутся, то...» Он не успел загадать, что тогда будет: высокая вдруг повернулась к нему. Он махнул в ответ и сразу же нагнулся за чемоданом, почувствовав, что начинает краснеть.

«Вот ужас-то, – подумал он с удовольствием. – Ну, чего, спрашивается, мне краснеть?..»

Он прошел темный коридор ворот и посмотрел налево, на солнечную сторону двора, но Матвеевны там не было. Это неприятно удивило его, но тут Коля оказался перед собственным подъездом и на одном дыхании влетел на пятый этаж.

Мама совсем не изменилась, и даже халат на ней был тот же, в горошек. Увидев его, она вдруг заплакала:

- Боже, как ты похож на отца!..

Отца Коля помнил смутно: в двадцать шестом тот уехал в Среднюю Азию и - не вернулся. Маму вызывали в Главное политуправление и там рассказали, что комиссар Плужников был убит в схватке с басмачами у кишлака Коз-Кудук.

Мама кормила его завтраком и непрерывно говорила. Коля поддакивал, но слушал рассеянно: он все время думал об этой вдруг выросшей Вальке из сорок девятой квартиры и очень хотел, чтобы мама заговорила о ней. Но маму интересовали другие вопросы:

- ...А я им говорю: «Боже мой, боже мой, неужели дети должны целый день слушать это громкое радио? У них ведь маленькие уши, и вообще это непедagogично». Мне, конечно, отказали, потому что наряд уже был подписан, и поставили громкоговоритель. Но я пошла в райком и все объяснила...

Мама заведовала детским садом и постоянно пребывала в каких-то странных хлопотах. За два года Коля порядком отвык от всего и теперь бы слушал с удовольствием, но в голове все время вертелась эта Валя-Валентина...

- Да, мама, я Верочку у ворот встретил, - невпопад сказал он, прерывая мать на самом волнующем месте. - Она с этой была... Ну, как ее?.. С Валеи...

- Да, они в школу пошли. Хочешь еще кофе?

- Нет, мам, спасибо. - Коля прошелся по комнате, поскрипел в свое удовольствие...

Мама опять начала вспоминать что-то детсадовское, но он перебил:

- А что, Валя эта все еще учится, да?

- Да ты что, Колюша, Вали не помнишь? Она же не вылезала от нас. - Мама вдруг рассмеялась. - Верочка говорила, что Валюша была в тебя влюблена.

- Глупости это! – сердито закричал Коля. – Глупости!..

- Конечно, глупости, – неожиданно легко согласилась мама. – Тогда она еще девчонкой была, а теперь – настоящая красавица. Наша Верочка тоже хороша, но Валя – просто красавица.

- Ну уж и красавица, – ворчливо сказал он, с трудом скрывая вдруг охватившую его радость. – Обыкновенная девчонка, каких тысячи в нашей стране... Лучше скажи, как Матвеевна себя чувствует? Я вхожу во двор...

- Умерла наша Матвеевна, – вздохнула мама.

- Как так умерла? – не понял он.

- Люди умирают, Коля, – опять вздохнула мама. – Ты счастливый, ты можешь еще не думать об этом.

И Коля подумал, что он и вправду счастливый, раз встретил возле ворот такую удивительную девушку, а из разговора выяснил, что девушка эта была в него влюблена...

После завтрака Коля отправился на Белорусский вокзал. Нужный ему поезд отходил в семь вечера, что было совершенно невозможно. Коля походил по вокзалу, повздыхал и не очень решительно постучался к дежурному помощнику военного коменданта.

- Попозже? – Дежурный помощник тоже был молод и несолидно подмигивал: – Что, лейтенант, сердечные дела?

- Нет, – опустив голову, сказал Коля. – Мама у меня больна, оказывается. Очень... – Тут он испугался, что может накликать действительно болезнь, и поспешно поправился: – Нет, не очень, не очень...

- Понятно, – опять подмигнул дежурный. – Сейчас поглядим насчет мамы.

Он полистал книгу, потом стал звонить по телефонам, разговаривая вроде бы по другим поводам. Коля терпеливо ждал, рассматривая плакаты о перевозках. Наконец дежурный положил последнюю трубку:

- С пересадкой согласен? Отправление в три минуты первого, поезд Москва - Минск. В Минске - пересадка.

- Согласен, - сказал Коля. - Большое вам спасибо, товарищ старший лейтенант.

Получив билет, он тут же на улице Горького зашел в гастроном и, хмурясь, долго разглядывал вина. Наконец купил шампанского, потому что пил его на выпускном банкете, вишневой наливки, потому что такую наливку делала мама, и мадеру, потому что читал о ней в романе про аристократов.

- Ты сошел с ума! - сердито сказала мама. - Это что же: на каждого по бутылке?

- А!.. - Коля беспечно махнул рукой. - Гулять так гулять!

Встреча удалась на славу. Началась она с торжественного обеда, ради которого мама одолжила у соседей еще одну керосинку. Вера вертелась на кухне, но часто врывалась с очередным вопросом:

- А из пулемета ты стрелял?

- Стрелял.

- Из «максима»?

- Из «максима». И из других систем тоже.

- Вот здорово!.. - восхищенно ахала Вера.

Коля озабоченно ходил по комнате. Он подшил свежий подворотничок, надраил сапоги и теперь хрустел всеми ремнями. От волнения он совсем не хотел есть, а Валя все не шла и не шла.

- А комнату тебе дадут?

- Дадут, дадут.

- Отдельную?

- Конечно. - Он смотрел на Верочку снисходительно. - Я ведь строевой командир.

- Мы к тебе приедем, - таинственно зашептала она. - Маму отправим с детским садом на дачу и приедем к тебе...

- Кто это «мы»?

Он все понял, и сердце словно колыхнулось.

- Так кто же такие - «мы»?

- Неужели не понимаешь? Ну «мы» - это мы: я и Валюшка.

Коля покашлял, чтобы спрятать некстати выползшую улыбку, и солидно сказал:

- Пропуск, вероятно, потребуется. Заранее напиши, чтобы с командованием договориться...

- Ой, у меня картошка переварилась!..

Крутнулась на каблуке, раздула куполом платье, хлопнула дверью. Коля только покровительственно усмехнулся. А когда закрылась дверь, совершил вдруг немислимый прыжок и в полном восторге захрустел ремнями: значит, они сегодня говорили о поездке, значит, уже планировали ее, значит, хотели встретиться с ним, значит... Но что должно было следовать за этим последним «значит», Коля не произносил даже про себя.

А потом пришла Валя. К несчастью, мама и Вера все еще возились с обедом, разговор начать было некому, и Коля холодел при мысли, что Валя имеет все

основания немедленно отказаться от летней поездки.

- Ты никак не можешь задержаться в Москве?

Коля отрицательно покачал головой.

- Неужели так срочно?

Коля пожал плечами.

- На границе беспокойно, да? - понизив голос, спросила она.

Коля осторожно кивнул, сначала, правда, подумав насчет секретности.

- Папа говорит, что Гитлер стягивает вокруг нас кольцо.

- У нас с Германией договор о ненападении, - хрипло сказал Коля, потому что кивать головой или пожимать плечами было уже невозможно. - Слухи о концентрации немецких войск у наших границ ни на чем не основаны и являются результатом происков англо-французских империалистов.

- Я читала газеты, - с легким неудовольствием сказала Валя. - А папа говорит, что положение очень серьезное.

Валин папа был ответработником, но Коля подозревал, что в душе он немножко паникер. И сказал:

- Надо опасаться провокаций.

- Но ведь фашизм - это же ужасно! Ты видел фильм «Профессор Мамлок»?

- Видел, там Олег Жаков играет. Фашизм - это, конечно, ужасно, а империализм, по-твоему, лучше?

- Как ты думаешь, будет война?

– Конечно, – уверенно сказал он. – Зря, что ли, открыли столько училищ с ускоренной программой? Но это будет быстрая война.

– Ты в этом уверен?

– Уверен. Во-первых, надо учесть пролетариат поработанных фашизмом и империализмом стран. Во-вторых, пролетариат самой Германии, задавленный Гитлером. В-третьих, международную солидарность трудящихся всего мира. Но самое главное – это решающая мощь нашей Красной армии. На вражеской территории мы нанесем врагу сокрушительный удар.

– А Финляндия? – вдруг тихо спросила она.

– А что Финляндия? – Он с трудом скрыл неудовольствие: это все паникер папочка ее настраивает. – В Финляндии была глубоко эшелонированная линия обороны, которую наши войска взломали быстро и решительно. Не понимаю, какие тут могут быть сомнения.

– Если ты считаешь, что сомнений не может быть, значит, их просто нет, – улыбнулась Валя. – Хочешь посмотреть, какие пластинки мне привез папа из Белостока?

Пластинки у Вали были замечательные: польские фокстроты, «Черные глаза» и «Очи черные» и даже танго из «Петера» в исполнении самой Франчески Гааль.

– Говорят, она ослепла! – широко распахнув круглые глаза, говорила Верочка. – Вышла сниматься, посмотрела случайно в самый главный прожектор и сразу ослепла.

Валя скептически улыбнулась. Коля тоже сомневался в достоверности этой истории, но в нее почему-то очень хотелось верить.

К этому времени они уже выпили шампанское и наливку, а мадеру попробовали и забраковали: она оказалась несладкой, и было непонятно, как мог завтракать виконт де Пресси, макая в нее бисквиты.

– Киноартистом быть очень опасно, очень! – продолжала Вера. – Мало того, что они скачут на бешеных лошадях и прыгают с поездов, на них очень вредно действует свет. Исключительно вредно!

Верочка собирала фотографии артистов кино. А Коля опять сомневался и опять хотел во все верить. Голова у него слегка кружилась, рядом сидела Валя, и он никак не мог смахнуть с лица улыбку, хоть и подозревал, что она глуповата.

Валя тоже улыбалась: снисходительно, как взрослая. Она была всего на полгода старше Веры, но уже успела перешагнуть через ту черту, за которой вчерашние девчонки превращаются в загадочно молчаливых девушек.

– Верочка хочет быть киноактрисой, – сказала мама.

– Ну и что? – с вызовом выкрикнула Вера и даже осторожно стукнула пухлым кулачком по столу. – Это запрещено, да? Наоборот, это прекрасно, и возле сельскохозяйственной выставки есть такой специальный институт...

– Ну хорошо, хорошо, – миролюбиво соглашалась мама. – Закончишь десятый класс на пятерки – иди куда хочешь. Было бы желание.

– И талант, – сказала Валя. – Знаешь, какие там экзамены? Выберут какого-нибудь поступающего десятиклассника и заставят тебя с ним целоваться.

– Ну и пусть! Пусть! – весело кричала красная от вина и споров Верочка. – Пусть заставляют! А я так им сыграю, так сыграю, что они все поверят, будто я влюблена. Вот!

– А я бы ни за что не стала целоваться без любви. – Валя всегда говорила негромко, но так, что ее слушали. – По-моему, это унижительно: целоваться без любви.

– У Чернышевского в «Что делать?»... – начал было Коля.

– Надо же различать! – закричала вдруг Верочка. – Надо же различать, где жизнь, а где – искусство.

– Я не про искусство, я про экзамены. Какое же там искусство?

– А смелость? – задиристо наступала Верочка. – Смелость разве не нужна артисту?

– Господи, какая уж тут смелость, – вздохнула мама и начала убирать со стола. – Девочки, помогите мне, а потом будем танцевать.

Все стали убирать, суетиться, и Коля остался один. Он отошел к окну и сел на диван: тот самый скрипучий диван, на котором спал всю школьную жизнь. Ему очень хотелось вместе со всеми убирать со стола: толкаться, хохотать, хвататься за одну и ту же вилку, но он подавил это желание, ибо куда важнее было невозмутимо сидеть на диване. К тому же из угла можно было незаметно наблюдать за Валею, ловить ее улыбки, взмахи ресниц, редкие взгляды. И он ловил их, а сердце стучало, как паровой молот возле станции метро «Дворец Советов».

В девятнадцать лет Коля ни разу не целовался. Он регулярно ходил в увольнения, смотрел кино, бывал в театре и ел мороженое, если оставались деньги. А вот танцевал плохо, танцплощадки не посещал и поэтому за два года учебы так ни с кем и не познакомился. Кроме библиотечарши Зои.

Но сегодня Коля был рад, что ни с кем не знакомился. То, что было причиной тайных мучений, обернулось вдруг иной стороной, и сейчас, сидя на диване, он уже точно знал, что не знакомился только потому, что на свете существовала Валя. Ради такой девушки стоило страдать, и страдания эти давали ему право гордо и прямо встречать ее осторожный взгляд. И Коля был очень доволен собой.

Потом они опять завели патефон, но уже не для того, чтобы слушать, а чтобы танцевать. И Коля, краснея и сбиваясь, танцевал с Валею, с Верочкой и опять с Валею.

– Вшистка мни едно, вшистка мни едно... – напевала Верочка, покорно танцуя со стулом.

Коля танцевал молча, потому что никак не мог найти подходящей темы для разговора. А Вале никакой разговор и не требовался, но Коля этого

не понимал и чуточку мучился.

– Вообще-то мне должны дать комнату, – покашляв для уверенности, сказал он. – Но если не дадут, я у кого-нибудь сниму.

Валя молчала. Коля старался, чтобы зазор между ними был как можно больше, и чувствовал, что Валина улыбка совсем не похожа на ту, которой ослепила его Зоя в полутьме аллеи. И поэтому, понизив голос и покраснев, добавил:

– А пропуск я закажу. Только заранее напишите.

И опять Валя промолчала, но Коля совсем не расстроился. Он знал, что она все слышит и все понимает, и был счастлив, что она молчит.

Теперь Коля знал точно, что это – любовь. Та самая, о которой он столько читал и с которой до сих пор так и не встретился. Зоя... Тут он вспомнил о Зое, вспомнил почти с ужасом, потому что Валя, которая так понимала его, могла каким-то чудом тоже вспомнить про Зою, и тогда Коле осталось бы только застрелиться. И он стал решительно гнать прочь всякие мысли о Зое, а Зоя, нагло потрясая оборками, никак не желала исчезать, и Коля испытывал незнакомое доселе чувство бессильного стыда. А Валя улыбалась и смотрела мимо него, точно видела там что-то невидимое для всех. И от восхищения Коля делался еще более неуклюжим.

Потом они долго стояли у окна: и мама, и Верочка вдруг куда-то исчезли. На самом-то деле они просто мыли на кухне посуду, но сейчас это было все равно что перебраться на другую планету.

– Папа говорил, что там много аистов. Ты видел когда-нибудь аистов?

– Нет.

– Там они живут прямо на крышах домов. Как ласточки. И никто их не обижает, потому что они приносят счастье. Белые, белые аисты... Ты обязательно должен их увидеть.

– Я увижу, – пообещал он.

- Напиши, какие они? Хорошо?

- Напишу.

- Белые, белые аисты...

Он взял ее за руку, испугался этой дерзости, хотел тотчас же отпустить и – не смог. И боялся, что она отдернет ее или что-нибудь скажет. Но Валя молчала. А когда сказала, не отдернула руки:

- Если бы ты ехал на юг, на север или даже на восток...

- Я счастливый. Мне достался Особый округ. Знаешь, какая это удача?

Она ничего не ответила. Только вздохнула.

- Я буду ждать, – тихо сказал он. – Я очень, очень буду ждать.

Он осторожно погладил ее руку, а потом вдруг быстро прижал к щеке. Ладонь показалась ему прохладной. Очень хотелось спросить, будет ли Валя тосковать, но спросить Коля так и не решился. А потом влетела Верочка, затарахтела с порога что-то про Зою Федорову, и Коля незаметно отпустил Валину руку.

В одиннадцать мама решительно выгнала его на вокзал. Коля наскоро и как-то несерьезно простился с нею, потому что девочки уже потащили его чемодан вниз. И мама почему-то вдруг заплакала – тихо, улыбаясь, – а он не замечал ее слез и все рвался поскорее уйти.

- Пиши, сынок. Пожалуйста, пиши аккуратно.

- Ладно, мам. Как приеду, сразу же напишу.

- Не забывай...

Коля в последний раз прикоснулся губами к уже поседевшему виску, скользнул за дверь и через три ступеньки понесся вниз.

Поезд отошел только в половине первого. Коля боялся, что девочки опоздают на метро, но еще больше боялся, что они уйдут, и поэтому все время говорил одно и то же:

- Ну, идите же. Опоздаете.

А они ни за что не хотели уходить. А когда засвистел кондуктор и поезд тронулся, Валя вдруг первая шагнула к нему. Но он так ждал этого и так рванулся навстречу, что они стукнулись носами и смущенно отпрянули друг от друга. А Верочка кричала: «Колька, опоздаешь!..» - и совала ему сверток с мамиными пирожками. Он наскоро чмокнул сестру в щеку, схватил сверток и вскочил на подножку. И все время смотрел, как медленно отплывают назад две девичьи фигурки в легких светлых платьях...

3

Коля впервые ехал в дальние страны. До сих пор путешествия ограничивались городом, где находилось училище, но даже двенадцать часов езды не шли ни в какое сравнение с маршрутом, которым двигался он в ту знойную июньскую субботу. И это было так интересно и так важно, что Коля не отходил от окна, а когда уж совсем обессилел и присел на полку, кто-то крикнул:

- Аисты! Смотрите, аисты!..

Все бросились к окнам, но Коля замешкался и аистов не увидел. Впрочем, он не огорчился, потому что если аисты появились, значит, рано или поздно, а он их обязательно увидит. И напишет в Москву, какие они, эти белые, белые аисты...

Это было уже за Негорелым - за старой границей: теперь они ехали по Западной Белоруссии. Поезд часто останавливался на маленьких станциях, где всегда было много людей. Белые рубахи мешались с черными лапсердаками, соломенные брыли - с касторовыми котелками, темные хустки - с светлыми платьями. Коля выходил на остановках, но от вагона не отрывался, оглушенный звонкой смесью белорусского, еврейского, русского, польского, литовского, украинского и еще бог весть каких языков и наречий.

– Ну, кагал! – удивлялся смешливый старший лейтенант, ехавший на соседней полке. – Тут, Коля, часы надо покупать. Ребята говорили, что часов здесь – вагон и все дешевые.

Но и старший лейтенант тоже далеко не отлучался: нырял в толпу, что-то выяснял, размахивая руками, и тут же возвращался:

– Тут, брат, такая Европа, что враз ухайдакают.

– Агентура, – соглашался Коля.

– А хрен их знает, – аполитично говорил старший лейтенант и, передохнув, снова кидался в гущу. – Часы! Тик-так! Мозер!..

Мамины пирожки были съедены со старшим лейтенантом; в ответ он до отвала накормил Колю украинской домашней колбасой. Но разговор у них не клеился, потому что старший лейтенант склонен был обсуждать только одну тему:

– А талия у нее, Коля, ну рюмочка!..

Коля начинал ерзать. Старший лейтенант, закатывая глаза, упивался воспоминаниями. К счастью, в Барановичах он сошел, прокричав на прощание:

– Насчет часов не теряйся, лейтенант! Часы – это вещь!..

Вместе со старшим лейтенантом исчезла и домашняя колбаса, а мамыны пирожки уже были уничтожены. Поезд, как на грех, долго стоял в Барановичах, и Коля вместо аистов стал подумывать о хорошем обеде. Наконец мимо тяжело прогрохотал бесконечный товарный состав.

– В Германию, – сказал пожилой капитан. – Немцам день и ночь хлебушек гоним и гоним. Это как понимать прикажете?

– Не знаю, – растерялся Коля. – У нас ведь договор с Германией.

– Совершенно верно, – тотчас же согласился капитан. – Вы абсолютно правильно размышляете, товарищ лейтенант.

Вслед за товарняком потянулись и они и дальше ехали быстрее. Стоянки сократились, проводники не советовали выходить из вагонов, и на всем пути Коля запомнил только одну станцию: Жабинка. Следующей был Брест.

Вокзал в Бресте оказался деревянным, а народу в нем толпилось столько, что Коля растерялся. Проще всего было, конечно, спросить, как найти нужную ему часть, но из соображений секретности Коля доверял только лицам официальным и поэтому битый час простоял в очереди к дежурному помощнику коменданта.

– В крепость, – сказал помощник, глянув на командировочное предписание. – По Каштановой прямо и упрешься.

Коля вылез из очереди и ощутил вдруг такой яростный голод, что вместо Каштановой улицы стал разыскивать столовую. Но столовых не было, и он, потоптавшись, пошел к вокзальному ресторану. И только хотел войти, как дверь распахнулась и вышел коренастый лейтенант.

– Черт жирный, жандармская морда, весь стол один занял. И не попросишь ведь: иностранец!

– Кто?

– Жандарм немецкий, кто же еще! Тут женщины с ребятишками на полу сидят, а он один за столиком пиво жрет. Персона!

– Настоящий жандарм? – поразился Коля. – А можно посмотреть?

Лейтенант неуверенно пожал плечами:

– Попробуй. Стой, куда же ты с чемоданом?

Коля оставил чемодан, одернул гимнастерку, как перед входом в генеральский кабинет, и с замиранием сердца скользнул за тяжелую дверь.

И сразу увидел немца. Настоящего, живого немца в мундире с бляхой, в непривычно высоких, точно из жести сапогах. Он сидел, развалясь на стуле,

и самодовольно постукивал ногой. Столик был уставлен пивными бутылками, но жандарм пил не из стакана, а из пол-литровой кружки, выливая в нее сразу всю бутылку. На красной роже топорщились жесткие усики, смоченные пивной пеной.

Изо всех сил кося глаза, Коля четыре раза продефилировал мимо немца. Это было совершенно необыкновенное, из ряда вон выходящее событие: в шаге от него сидел человек из того мира, из поработанной Гитлером Германии. Коле очень хотелось знать, о чем он думает, попав из фашистской империи в страну социализма, но на лице представителя угнетенного человечества не читалось ничего, кроме тупого самодовольства.

- Насмотрелся? - спросил лейтенант, охранявший Колин чемодан.

- Ногой постукивает, - почему-то шепотом сказал Коля. - А на груди - бляха.

- Фашист, - сказал лейтенант. - Слушай, друг, ты есть хочешь? Ребята сказали, тут недалеко ресторан «Беларусь», может, поужинаем по-людски? Тебя как зовут-то?

- Коля.

- Тезки, значит. Ну, сдавай чемодан и айда разлагаться. Там, говорят, скрипач мировой: «Черные глаза» играет как бог...

В камере хранения тоже оказалась очередь, и Коля поволок чемодан с собой, решив прямо оттуда пройти в крепость. Лейтенант Николай о крепости ничего не знал, так как в Бресте у него была пересадка, но утешил:

- В ресторане наверняка кого-нибудь из наших встретим. Сегодня суббота.

По узкому пешеходному мостику они пересекли многочисленные железнодорожные пути, занятые составами, и сразу оказались в городе. Три улицы расходились от ступенек мостика, и лейтенанты неуверенно затоптались.

- Ресторан «Беларусь» не знаю, - с сильным акцентом и весьма раздраженно сказал прохожий.

Коля спрашивать не решался, и переговоры вел лейтенант Николай.

- Должны знать: там какой-то скрипач знаменитый.

- Так то же пан Свицкий! – заулыбался прохожий. – О, Рувим Свицкий – великий скрипач. Вы можете иметь свое мнение, но оно неверное. Это так. А ресторан – прямо. Улица Стыцкевича.

Улица Стыцкевича оказалась Комсомольской. В густой зелени прятались маленькие домишки.

- А я Сумское зенитно-артиллерийское закончил, – сказал Николай, когда Коля поведал ему свою историю. – Вот как смешно получается: оба только что кончили, оба – Николаи...

Он вдруг замолчал: в тишине слышались далекие звуки скрипки. Лейтенанты остановились.

- Мирowo дает! Топаем точно, Коля!

Скрипка слышалась из открытых окон двухэтажного здания с вывеской: «Ресторан «Беларусь». Они поднялись на второй этаж, сдали в крохотной раздевалке головные уборы и чемодан и вошли в небольшой зальчик. Против входа помещалась буфетная стойка, а в левом углу – небольшой оркестр. Скрипач – длиннорукий, странно подмаргивающий – только кончил играть, и переполненный зал шумно аплодировал ему.

- А наших-то тут маловато, – негромко сказал Николай.

Они задержались в дверях, оглушенные аплодисментами и возгласами. Из глубины зала к ним поспешно пробирался полный гражданин в черном лоснящемся пиджаке:

- Прошу панов офицеров пожаловать. Сюда прошу, сюда.

Он ловко провел их мимо скученных столов и разгоряченных посетителей. За кафельной печкой оказался свободный столик, и лейтенанты сели, с молодым

любопытством оглядывая чуждую им обстановку.

- Почему он нас офицерами называет? - с неудовольствием шипел Коля. - Офицер, да еще - пан! Буржуиство какое-то...

- Пусть хоть горшком зовет, лишь бы в печь не совал, - усмехнулся лейтенант Николай. - Здесь, Коля, люди еще темные.

Пока гражданин в черном принимал заказ, Коля с удивлением вслушивался в говор зала, стараясь уловить хоть одну понятную фразу. Но говорили здесь на языках неизвестных, и это очень смущало его. Он хотел было поделиться с товарищем, как вдруг за спиной послышался странно звучащий, но несомненно русский разговор:

- Я извиняюсь, я очень извиняюсь, но я не могу себе представить, чтобы такие штаны ходили по улицам.

- Вот он выполняет на сто пятьдесят процентов таких штанов и получил за это Почетное знамя.

Коля обернулся: за соседним столиком сидели трое пожилых мужчин. Один из них перехватил Колин взгляд и улыбнулся:

- Здравствуйте, товарищ командир. Мы обсуждаем производственный план.

- Здравствуйте, - смутившись, сказал Коля.

- Вы из России? - спросил приветливый сосед и, не дожидаясь ответа, продолжал: - Ну, я понимаю: мода. Мода - это бедствие, это - кошмар, это - землетрясение, но это естественно, правда? Но шить сто пар плохих штанов вместо полсотни хороших и за это получать Почетное знамя - я извиняюсь. Я очень извиняюсь. Вы согласны, молодой товарищ командир?

- Да, - сказал Коля. - То есть, конечно, только...

- А скажите, пожалуйста, - спросил второй, - что у вас говорят про германцев?

- Про германцев? Ничего. То есть у нас с Германией мир...

- Да, - вздохнули за соседним столом. - То, что германцы придут в Варшаву, было ясно каждому еврею, если он не круглый идиот. Но они не придут в Москву.

- Что вы, что вы!..

За соседним столом все враз заговорили на непонятном языке. Коля вежливо послушал, ничего не понял и отвернулся.

- По-русски понимают, - шепотом сообщил он.

- Я тут водочки сообразил, - сказал лейтенант Николай. - Выпьем, Коля, за встречу?

Коля хотел сказать, что не пьет, но как-то так получилось, что вспомнил он о другой встрече. И рассказал лейтенанту Николаю про Валю и Верочку, но больше, конечно, про Валю.

- А что ты думаешь, может, и приедет, - сказал Николай. - Только сюда пропуск нужен.

- Я попрошу.

- Разрешите присоединиться?

Возле стола оказался рослый лейтенант-танкист. Пожал руки, представился:

- Андрей. В военкомат прибыл за приписниками, да в пути застрял. Придется до понедельника ждать...

Он говорил что-то еще, но длиннорукий поднял скрипку, и маленький зальчик замер.

Коля не знал, что исполнял нескладный, длиннорукий, странно подмаргивающий человек. Он не думал, хорошо это или плохо, а просто слушал, чувствуя,

как подкатывает к горлу комок. Он бы не стеснялся сейчас слез, но скрипач останавливался как раз там, где вот-вот должны были хлынуть эти слезы, и Коля только осторожно вздыхал и улыбался.

– Вам нравится? – тихо спросил пожилой с соседнего столика.

– Очень!

– Это наш Рувимчик. Рувим Свицкий – лучшего скрипача нет и никогда не было в городе Бресте. Если Рувим играет на свадьбе, то невеста обязательно будет счастливой. А если он играет на похоронах...

Коля так и не узнал, что происходит, когда Свицкий играет на похоронах, потому что на них зашикали. Пожилой покивал, послушал, а потом зашептал Коле в самое ухо:

– Пожалуйста, запомните это имя: Рувим Свицкий. Самоучка Рувим Свицкий с золотыми пальцами, золотыми ушами и золотым сердцем...

Коля долго хлопал. Принесли закуску, лейтенант Николай наполнил рюмки, сказал, понизив голос:

– Музыка – это хорошо. Но ты сюда послушай.

Коля вопросительно посмотрел на подсевшего к ним танкиста.

– Вчера летчикам отпуска отменили, – тихо сказал Андрей. – А пограничники говорят, что каждую ночь за Бугом моторы режут. Танки, тягачи.

– Веселый разговор. – Николай поднял рюмку. – За встречу.

Они выпили. Коля поспешно начал закусывать, спросил с набитым ртом:

– Возможны провокации?

– Месяц назад с той стороны архиепископ перешел, – тихо продолжал Андрей. – Говорит, немцы готовят войну.

– Но ведь ТАСС официально заявил...

– Тихо, Коля, тихо, – улыбнулся Николай. – ТАСС – в Москве. А здесь – Брест.

Подали ужин, и они накинулись на него, позабыв про немцев и ТАСС, про границу и архиепископа, которому Коля никак не мог верить, потому что архиепископ был все-таки служителем культа.

Потом опять играл скрипач. Коля переставал жевать, слушал, неистово хлопал в ладоши. Соседи слушали тоже, но больше шепотом толковали о слухах, о странных шумах по ночам, о частых нарушениях границы немецкими летчиками.

– А сбивать нельзя: приказ. Вот и вертимся...

– Как играет!.. – восторгался Коля.

– Да, играет классно. Что-то зреет, ребята? А что? Вопрос.

– Ничего, ответ тоже будет, – улыбнулся Николай и поднял рюмку: – За ответ на любой вопрос, товарищи лейтенанты!..

Стемнело, в зале зажгли свет. Накал был неровным, лампочки слабо мигали, и по стенам металась тень. Лейтенанты съели все, что было заказано, и теперь Николай расплачивался с гражданином в черном.

– Сегодня, ребята, угощаю я.

– Ты в крепость нацелился? – спросил Андрей. – Не советую, Коля: темно и далеко. Пошли лучше за мной в военкомат: там переночуешь.

– Зачем же в военкомат? – сказал лейтенант Николай. – Топаем на вокзал, Коля.

– Нет, нет. Я сегодняшним числом в часть должен прибыть.

– Зря, лейтенант, – вздохнул Андрей. – С чемоданом, ночью, через весь город...

– У меня – оружие, – сказал Коля.

Вероятно, они уговорили бы его: Коля уже и сам начал колебаться, несмотря на оружие. Вероятно, уговорили бы, и тогда Коля ночевал бы либо на вокзале, либо в военкомате, но тут пожилой с соседнего столика подошел к ним:

– Множество извинений, товарищи красные командиры, множество извинений. Этому молодому человеку очень понравился наш Рувим Свицкий. Рувим сейчас ужинает, но я имел с ним разговор, и он сказал, что хочет сыграть специально для вас, товарищ молодой командир...

И Коля никуда не пошел. Коля остался ждать, когда скрипач сыграет что-то специально для него. А лейтенанты ушли, потому что им еще надо было устроиться с ночлегом. Они крепко пожали ему руку, улыбнулись на прощание и шагнули в ночь: Андрей – в военкомат на улицу Дзержинского, а лейтенант Николай – на переполненный Брестский вокзал. Шагнули в самую короткую ночь, как в вечность.

Народу в ресторане становилось все меньше, в распахнутые окна врывалась густой, безветренный вечер: одноэтажный Брест отходил ко сну. Обезлюдели под линейку застроенные улицы, гасли огни в затененных сиренью и жасмином окнах, и только редкие дрожжачи погромыхивали колясками по гулким мостовым. Тихий город медленно погружался в тихую ночь – самую тихую и самую короткую ночь в году...

У Коли немного кружилась голова, и все вокруг казалось прекрасным: и затухающий ресторанный шум, и теплый сумрак, вползавший в окна, и таинственный город за этими окнами, и ожидание нескладного скрипача, который собирался играть специально для него, лейтенанта Плужникова. Было, правда, одно обстоятельство, несколько осложнявшее ожидание: Коля никак не мог понять, должен ли он платить деньги за то, что музыкант будет играть, но, поразмыслив, решил, что за добрые дела денег не платят.

– Здравствуйте, товарищ командир.

Скрипач подошел бесшумно, и Коля вскочил, смутившись и забормотав что-то необязательное.

– Исаак сказал, что вы из России и что вам понравилась моя скрипка.

Длиннорукий держал в руке смычок и скрипку и странно подмаргивал. Вглядевшись, Коля понял причину: левый глаз Свицкого был подернут белесой пленкой.

– Я знаю, что нравится русским командирам. – Скрипач цепко зажал инструмент острым подбородком и поднял смычок.

И скрипка запела, затосковала, и зал снова замер, боясь неосторожным звуком оскорбить нескладного музыканта с бельмом на глазу. А Коля стоял рядом, смотрел, как дрожат на грифе тонкие пальцы, и опять хотел плакать, и опять не мог, потому что Свицкий не позволял появляться этим слезам. И Коля только осторожно вздыхал и улыбался.

Свицкий сыграл «Черные глаза», и «Очи черные», и еще две мелодии, которые Коля слышал впервые. Последняя была особенно грозной и торжественной.

– Мендельсон, – сказал Свицкий. – Вы хорошо слушаете. Спасибо.

– У меня нет слов...

– Коли ласка. Вы не в крепость?

– Да, – запнувшись, признался Коля. – Каштановая улица...

– Надо брать дрожкача. – Свицкий улыбнулся: – По-вашему, извозчик. Если хотите, могу проводить: моя племянница тоже едет в крепость.

Свицкий уложил скрипку, а Коля взял чемодан в пустом гардеробе, и они вышли. На улицах никого не было.

– Прошу налево, – сказал Свицкий, когда они дошли до угла. – Миррочка – это моя племянница – уже год работает поваром в столовой для командиров. У нее – талант, настоящий талант. Она будет изумительной хозяйкой, наша Миррочка...

Внезапно погас свет: редкие фонари, окна в домах, отсветы железнодорожной станции. Весь город погрузился во мрак.

– Очень странно, – сказал Свицкий. – Что мы имеем? Кажется, двенадцать?

– Может быть, авария?

– Очень странно, – повторил Свицкий. – Знаете, я вам скажу прямо: как пришли восточники... То есть советские, ваши. Да, с той поры как вы пришли, мы отвыкли от темноты. Мы отвыкли от темноты и от безработицы тоже. Это удивительно, что в нашем городе нет больше безработных, а ведь их нет! И люди стали праздновать свадьбы, и всем вдруг понадобился Рувим Свицкий!.. – Он тихо посмеялся. – Это прекрасно, когда у музыкантов много работы, если, конечно, они играют не на похоронах. А музыкантов теперь у нас будет достаточно, потому что в Бресте открыли и музыкальную школу, и музыкальное училище. И это очень и очень правильно. Говорят, что мы, евреи, музыкальный народ. Да, мы – такой народ; станешь музыкальным, если сотни лет прислушиваешься, по какой улице топают солдатские сапоги и не ваша ли дочь зовет на помощь в соседнем переулке. Нет, нет, я не хочу гневить бога: кажется, нам повезло. Кажется, дождички действительно пошли по четвергам, и евреи вдруг почувствовали себя людьми. Ах, как это прекрасно: чувствовать себя людьми! А еврейские спины никак не хотят разгибаться, а еврейские глаза никак не хотят хохотать – ужасно! Ужасно, когда маленькие дети рождаются с печальными глазами. Помните, я играл вам Мендельсона? Он говорит как раз об этом: о детских глазах, в которых всегда печаль. Это нельзя объяснить словами, это можно рассказать только скрипкой...

Вспыхнули уличные фонари, отсветы станции, редкие окна в домах.

– Наверно, была авария, – сказал Коля. – А сейчас починили.

– А вот и пан Глузняк. Добрый вечер, пан Глузняк! Как заработок?

– Какой заработок в городе Бресте, пан Свицкий? В этом городе все берегут свое здоровье и ходят только пешком...

Мужчины заговорили на неизвестном языке, а Коля оказался возле извозчичьей пролетки. В пролетке кто-то сидел, но свет далекого фонаря сглаживал очертания, и Коля не мог понять, кто же это сидит.

– Миррочка, деточка, познакомься с товарищем командиром.

Смутная фигура в пролетке неуклюже шевельнулась. Коля поспешно закивал, представился:

– Лейтенант Плужников. Николай.

– Товарищ командир впервые в нашем городе. Будь доброй хозяйкой, девочка, и покажи что-нибудь гостю.

– Покажем, – сказал извозчик. – Ночь сегодня добрая, и спешить нам некуда. Счастливых снов, пан Свицкий.

– Веселых поездок, пан Глузник. – Свицкий протянул Коле цепкую длиннопалую руку: – До свидания, товарищ командир. Мы обязательно увидимся еще с вами, правда?

– Обязательно, товарищ Свицкий. Спасибо вам.

– Коли ласка. Миррочка, деточка, загляни завтра к нам.

– Хорошо. – Голос прозвучал робко и растерянно.

Дрожкач поставил чемодан в пролетку, полез на козлы. Коля еще раз кивнул Свицкому, встал на ступеньку: девичья фигура окончательно вжалась в угол. Он сел, утонув в пружинах, и пролетка тронулась, покачиваясь на брусчатой мостовой. Коля хотел помахать скрипачу, но сиденье было низким, борта высокими, горизонт перекрыт широкой спиной извозчика.

– Куда же мы? – тихо спросила вдруг девушка из угла.

– Тебя просили что-нибудь показать гостю? – не оборачиваясь, спросил дрожкач. – Ну, а что можно показать гостю в нашем, я извиняюсь, городе Брест-Литовске? Крепость? Таки он в нее едет. Канал? Таки он его увидит завтра при свете. А что еще есть в городе Брест-Литовске?

– Он, наверно, старинный? – как можно увесистее спросил Коля.

– Ну, если судить по количеству евреев, то он ровесник Иерусалима (в углу робко пискнули от смеха). Вот Миррочке весело, и она смеется. А когда мне весело, я почему-то просто перестаю плакать. Так, может быть, люди делятся не на русских, евреев, поляков, германцев, а на тех, кому очень весело, просто весело и не очень весело, а? Что вы скажете на эту мысль, пан офицер?

Коля хотел сказать, что он, во-первых, никакой не пан, а во-вторых, не офицер, а командир Красной армии, но не успел, так как пролетка внезапно остановилась.

– Когда в городе нечего показывать, что показывают тогда? – спросил дрожкач, слезая с козел. – Тогда гостю показывают какой-нибудь столб и говорят, что он знаменитый. Вот и покажи столб гостю, Миррочка.

– Ой, – чуть слышно вздохнули в углу. – Я?.. А может быть, вы, дядя Михась?

– У меня другая забота. – Извозчик прошел к лошади. – Ну, старушка, побегаем с тобой эту ночку, а уж завтра отдохнем...

Девушка встала, неуклюже шагнула к ступеньке: пролетка заколыхалась, но Коля успел схватить Мирру за руку и поддержать.

– Спасибо. – Мирра еще ниже опустила голову. – Идемте.

Ничего не понимая, он вылез следом. Перекресток был пустынен. Коля на всякий случай погладил кобуру и оглянулся на девушку: заметно прихрамывая, она шла к ограде, что тянулась вдоль тротуара.

– Вот, – сказала она.

Коля подошел: возле ограды стоял приземистый каменный столб.

- Что это?

- Не знаю. - Она говорила с акцентом и стеснялась. - Тут написано про границу крепости. Но сейчас темно.

- Да, сейчас темно.

От смущения они чрезвычайно внимательно осматривали ничем не примечательный камень. Коля ощупал его, сказал с уважением:

- Старинный.

Они опять замолчали. И дружно с облегчением вздохнули, когда дрожкач окликнул:

- Пан офицер, прошу!

Прихрамывая, девушка пошла к коляске. Коля держался позади, но возле ступеньки догадался подать руку. Извозчик уже сидел на козлах.

- Теперь в крепость, пан офицер?

- Никакой я не пан! - сердито сказал Коля, плюхнувшись в продавленные пружины. - Я - товарищ, понимаете? Товарищ лейтенант, а совсем не пан. Вот.

- Не пан? - Дрожкач дернул вожжи, причмокнул, и лошадка неспешно затрусила по брусчатке. - Коли вы сидите сзади и каждую секунду можете меня стукнуть по спине, то, конечно же, вы - пан. Вот я сижу сзади лошади, и я для нее - тоже пан, потому что я могу стукнуть ее по спине. И так устроен весь мир: пан сидит за паном.

Теперь они ехали по крупному булыжнику, коляску раскачивало, и спорить было невозможно. Коля болтался на продавленном сиденье, придерживая ногой чемодан и всеми силами стараясь удержаться в своем углу.

– Каштановая, – сказала девушка. Ее тоже трясло, но она легче справлялась с этим. – Уже близко.

За железнодорожным переездом улица расплзлась вширь, дома стали редкими, а фонарей здесь не было вовсе. Правда, ночь стояла светлая, и лошадка легко трусила по знакомой дороге.

Коля с нетерпением ожидал увидеть нечто вроде кремля. Но впереди зачернело что-то бесформенное, и дрожкач остановил лошадь.

– Приехали, пан офицер.

Пока девушка вылезала из пролетки, Коля судорожно сунул извозчику пятерку.

– Вы очень богаты, пан офицер? Может быть, у вас имение или вы печатаете деньги на кухне?

– Зачем?

– Днем я беру сорок копеек в этот конец. Но ночью, да еще с вас, я возьму целый рубль. Так дайте его мне и будьте себе здоровы.

Миррочка, отойдя, ждала, когда он расплатится. Коля, смущаясь, запихал пятерку в карман, долго искал рубль, бормоча:

– Конечно, конечно. Да. Извините, сейчас.

Наконец рубль был найден. Коля еще раз поблагодарил дрожкача, взял чемодан и подошел к девушке:

– Куда тут?

– Здесь КПП. – Она указала на будку у дороги. – Надо показать документы.

– А разве это уже крепость?

- Да. Перейдем мост через обводной канал, и будут Северные ворота.

- Крепость! - Коля тихо рассмеялся. - Я ведь думал - стены да башни. А она, оказывается, вон какая, эта самая Брестская крепость...

4

На контрольно-пропускном пункте Колю задержали: постовой не хотел пропускать по командировочному предписанию. А девушку пропустили, и поэтому Коля был особенно настойчив:

- Зовите дежурного.

- Так спит он, товарищ лейтенант.

- Я сказал, зовите дежурного!

Наконец явился заспанный сержант. Долго читал Колины документы, зевал, свихивая челюсти:

- Припозднились вы, товарищ лейтенант.

- Дела, - туманно пояснил Коля.

- Вам ведь на остров надо...

- Я проведу, - тихо сказала девушка.

- А кто это я? - Сержант посветил фонариком: так, для шика. - Это ты, Миррочка? Дежурить заступаешь?

- Да.

- Ну, ты - человек нашенский. Веди прямо в казармы 333?го полка: там есть комнаты для командировочных.

– Мне в свой полк надо, – солидно сказал Коля.

– Утром разберетесь, – зевнул сержант. – Утро вечера мудренее...

Миновав длинные и низкие сводчатые ворота, они попали в крепость, за ее первый, внешний обвод, ограниченный каналами и крутыми валами, уже буйно заросшими кустарником. Было тихо, только где-то словно из-под земли глухо бубнил заспанный басок да мирно всхрапывали кони. В полумраке виднелись повозки, палатки, машины, тюки прессованного сена. Справа туманно вырисовывалась батарея полковых минометов.

– Тихо, – шепотом сказал Коля. – И нет никого.

– Так ночь. – Она, вероятно, улыбнулась. – И потом, почти все уже переехали в лагерь. Видите огоньки? Это дома комсостава. Мне там комнату обещали, а то очень далеко из города ходить.

Она приволакивала ногу, но старалась идти легко и не отставать. Занятый осмотром спящей крепости, Коля часто убегал вперед, и она, догоняя, мучительно задыхалась. Теперь он резко сбавил прыть и, чтобы сменить неприятную тему, солидно поинтересовался:

– Как тут вообще с жильем? Командиров обеспечивают, не знаете?

– Многие снимают.

– Это трудно?

– Нет. – Она сбоку посмотрела на него. – У вас семья?

– Нет, нет. – Коля помолчал. – Просто для работы, знаете...

– В городе я могу найти вам комнату.

– Спасибо. Время, конечно, терпит...

Она вдруг остановилась, нагнула куст:

- Сирень. Уже отцвела, а все еще пахнет.

Коля поставил чемодан, честно сунул лицо в запыленную листву. Но листва ничем хорошим не пахла, и он сказал дипломатично:

- Много здесь зелени.

- Очень. Сирень, жасмин, акация...

Она явно не торопилась, и Коля сообразил, что идти ей трудно, что она устала и сейчас отдыхает. Было очень тихо и очень тепло, и чуть кружилась голова, и он с удовольствием подумал, что и ему пока некуда спешить, потому что в списках он еще не значится.

- А что в Москве о войне слышно? – понизив голос, спросила она.

- О войне? О какой войне?

- У нас все говорят, что скоро начнется война. Вот-вот, – очень серьезно продолжала девушка. – Люди покупают соль, и спички, и вообще всякие товары, и в лавках почти пусто. А западники... Ну, те, которые к нам с Запада пришли, от немцев бежали... Они говорят, что и в тридцать девятом тоже так было.

- Как так – тоже?

- Пропали соль и спички.

- Чепуха какая-то! – с неудовольствием сказал Коля. – Ну, при чем здесь соль, скажите, пожалуйста? Ну, при чем?

- Не знаю. Только без соли вы супа не сварите.

- Суп! – презрительно сказал он. – Это пусть немцы запасаются солью для своих супов. А мы... Мы будем бить врага на его территории.

– А враги об этом знают?

– Узнают! – Коле не понравилась ее ирония: люди здесь казались ему подозрительными. – Сказать вам, как это называется? Провокационные разговоры, вот как.

– Господи... – Она вздохнула. – Пусть они как угодно называются, лишь бы войны не было.

– Не бойтесь. Во-первых, у нас с Германией заключен Пакт о ненападении. А во-вторых, вы явно недооцениваете нашу мощь. Знаете, какая у нас техника? Я, конечно, не могу выдавать военных тайн, но вы, кажется, допущены к секретной работе...

– Я к супам допущена.

– Это не важно, – веско сказал он. – Важно, что вы допущены в расположение воинских частей. И вы, наверно, сами видели наши танки...

– А здесь нет никаких танков. Есть несколько броневишков, и все.

– Ну зачем же вы мне это говорите? – Коля поморщился. – Вы же меня не знаете и все-таки сообщаете совершенно секретные сведения о наличии...

– Да про это наличие весь город знает.

– И очень жаль!

– И немцы тоже.

– А почему вы думаете, что они знают?

– А потому что!.. – Она махнула рукой. – Вам приятно считать других дураками? Ну, считайте себе. Но если вы хоть раз подумаете, что за кордоном не такие уж дураки, так лучше сразу бегите в лавочку и покупайте спички на всю зарплату.

– Ну, знаете...

Коле не хотелось продолжать этот опасный разговор. Он рассеянно оглянулся, постарался зевнуть, спросил равнодушно:

– Это что за домик?

– Санчасть. Если вы отдохнули...

– Я?! – От возмущения его кинуло в жар.

– Я же видела, что вы еле тащите свои вещи.

– Ну, знаете, – еще раз с чувством сказал Коля и поднял чемодан. – Куда идти?

– Приготовьте документы: перед мостом еще один КПП.

Они молча пошли вперед. Кусты стали гуще: выкрашенная в белую краску кайма кирпичного тротуара ярко светилась в темноте. Повеяло свежестью. Коля понял, что они подходят к реке, но подумал об этом как-то вскользь, потому что целиком был занят другими мыслями.

Ему очень не нравилась осведомленность этой хромоножки. Она была наблюдательна, не глупа, остра на язык: с этим он готов был смириться. Но ее осведомленность о наличии в крепости бронетанковых сил, о передислокации частей лагеря, даже о спичках и соли не могла быть случайной. Чем больше Коля думал об этом, тем все более убеждался, что и встреча с нею, и путешествие по городу, и длинные отвлекающие разговоры – все не случайно. Он припомнил свое появление в ресторане, странную беседу о штанах за соседним столом, Свицкого, играющего лично для него, и с ужасом понял, что за ним следили, что его специально выделили из их лейтенантской тройцы. Выделили, заговорили, усыпили бдительность скрипкой, подсунули какую-то девчонку, и теперь... Теперь он идет за нею неизвестно куда, как баран. А кругом – тьма, и тишина, и кусты, и, может быть, это вообще не Брестская крепость, тем более что никаких стен и башен он так и не заметил.

Докопавшись до этого открытия, Коля судорожно передернул плечами, и портупея тотчас же приветливо скрипнула в ответ. И этот тихий скрип, который мог слышать только сам Коля, несколько успокоил его. Но все же на всякий случай он перекинул чемодан в левую руку, а правой осторожно расстегнул клапан кобуры.

«Что ж, пусть ведут, – с горькой гордостью подумал он. – Придется подороже продать свою жизнь, и только...»

– Стой! Пропуск!

«Вот оно...» – подумал Коля, с тяжким грохотом роняя чемодан.

– Добрый вечер, это я, Мирра. А лейтенант со мной. Он приезжий: вам не звонили с того КПП?

– Документы, товарищ лейтенант.

Слабый луч света упал на Колю. Коля прикрыл левой рукой глаза, пригнулся, и правая рука сама собой скользнула к кобуре...

– Ложись! – заорали от КПП. – Ложись, стреляю! Дежурный, ко мне! Сержант! Тревога!..

Постовой у контрольно-пропускного пункта орал, свистел, щелкал затвором. Кто-то уже шумно бежал по мосту, и Коля на всякий случай лег носом в пыль, как полагалось.

– Да свой он! Свой! – кричала Миррочка.

– Он «наган» цапает, товарищ сержант! Я его окликнул, а он – цапает!

– Посвети-ка. – Луч скользнул по лежавшему на животе Коле, и другой – сержантский – голос скомандовал: – Встать! Сдать оружие!..

– Свой я! – крикнул Коля, поднимаясь. – Лейтенант я, понятно? Прибыл к месту службы. Вот документы, вот командировка.

- А чего ж за «наган» цапался, если свой?

- Да почесался я! - кричал Коля. - Почесался, и все! А он кричит «ложись!».

- Он правильно действовал, товарищ лейтенант, - сказал сержант, разглядывая Колины документы. - Неделю назад часового у кладбища зарезали: вот какие тут дела.

- Да знаю я! - сердито сказал Коля. - Только зачем же сразу? Что, почесаться нельзя, что ли?..

Миррочка не выдержала первой. Она приседала, всплескивала руками, попискивала, вытирала слезы. За нею басом захохотал сержант, завсхлипывал постовой, и Коля засмеялся тоже, потому что все получилось очень глупо и очень смешно.

- Я же почесался! Почесался только!..

Надраенные сапоги, до предела подтянутые брюки, выутюженная гимнастерка - все было в мельчайшей дорожной пыли. Пыль оказалась даже на носу и на круглых Колиных щеках, потому что он прижимался ими к земле поочередно.

- Не отряхивайтесь! - крикнула девушка, когда Коля, отсмеявшись, попытался было очистить гимнастерку. - Пыль только вобьете. Надо щеткой.

- А где я ее ночью возьму?

- Найдем! - весело сказала Миррочка. - Ну, можно нам идти?

- Идите, - сказал сержант. - Ты правда почисти его, Миррочка, а то ребята в казарме от смеха попадают.

- Почисти, - сказала она. - А какие кинокартины показывали?

- У пограничников - «Последнюю ночь», а в полку - «Валерия Чкалова».

– Мировой фильм!.. – сказал постовой. – Там Чкалов под мостом на самолете – вжиг, и все!..

– Жалко, я не видела. Ну, счастливо вам додежурить.

Коля поднял чемодан, кивнул веселым постовым и вслед за девушкой взошел на мост.

– Это что, Буг?

– Нет, это Мухавец.

– А-а...

Они прошли мост, миновали трехарочные ворота и свернули направо, вдоль приземистого двухэтажного здания.

– Кольцевая казарма, – сказала Мирра.

Сквозь распахнутые настежь окна доносилось сонное дыхание сотен людей. В казармах за толстыми кирпичными стенами горело дежурное освещение, и Коля видел двухъярусные койки, спящих бойцов, аккуратно сложенную одежду и грубые ботинки, выстроенные строго по линейке.

«Вот и мой взвод где-то здесь спит, – думал он. – И скоро я буду приходить по ночам и проверять...»

Кое-где лампочки освещали склоненные над книгами стриженные головы дневальных, пирамиды с оружием или безусого лейтенанта, засидевшегося до рассвета над мудреной четвертой главой Краткого курса истории ВКП(б).

«Вот и я так же буду сидеть, – думал Коля. – Готовиться к занятиям, писать письма...»

– Это какой полк? – спросил он.

– Господи, куда же это я вас веду? – вдруг тихо засмеялась девушка. – Кругом! За мной шагом марш, товарищ лейтенант.

Коля затоптался, не очень поняв, шутит она или командует им всерьез.

– Зачем?

– Вас сначала вычистить надо, выбить и выколотить.

После истории у предместного контрольно-пропускного пункта она окончательно перестала стесняться и уже покрикивала. Впрочем, Коля не обижался, считая, что когда смешно, то надо обязательно смеяться.

– А где вы меня собираетесь выколачивать?

– Следуйте за мной, товарищ лейтенант.

Они свернули с тропинки, идущей вдоль кольцевой казармы. Справа виднелась церковь, за нею еще какие-то здания; где-то негромко переговаривались бойцы, где-то совсем рядом фыркали и вздыхали лошади. Резко запахло бензином, сеном, конским потом, и Коля приободрился, почувствовав наконец настоящие воинские запахи.

– В столовую идем, что ли? – как можно независимее спросил он, припомнив, что девушка специализируется на супах.

– Разве такого грязнулю в столовую пустят? – весело спросила она. – Нет, мы сначала в склад зайдем, и тетя Христя из вас пыль выбьет. Ну а потом, может быть, и чайком угостит.

– Нет уж, спасибо, – солидно сказал Коля. – Мне к дежурному по полку надо: я обязательно должен прибыть сегодняшним числом.

– Так сегодняшним и прибудете: суббота уже два часа как кончилась.

– Не важно. Важно до утра, понимаете? Всякий день с утра начинается.

– А вот у меня не всякий. Осторожно, ступеньки. И пригнитесь, пожалуйста.

Вслед за девушкой он стал спускаться куда-то под землю по крутой и узкой лестнице. За массивной дверью, которую открыла Мирра, лестница освещалась слабой лампочкой, и Коля с удивлением оглядывал низкий сводчатый потолок, кирпичные стены и тяжелые каменные ступени.

– Подземный ход?

– Склад. – Мирра распахнула еще одну дверь, крикнула: – Здравствуйте, тетя Христя! Я гостя веду!..

И отступила, пропуская Колю вперед. Но Коля затоптался, спросил нерешительно:

– Сюда, значит?

– Сюда, сюда. Да не бойтесь же вы!

– Я не боюсь, – серьезно сказал Коля.

Он вошел в обширное, плохо освещенное помещение, придавленное тяжелым сводчатым потолком. Три слабенькие лампочки с трудом рассеивали подвальный сумрак, и Коля видел только ближайшую стену с узкими, как бойницы, отдушинами под самым потолком. В склепе этом было прохладно, но сухо: кирпичный пол кое-где покрывал мелкий речной песок.

– Вот и мы, тетя Христя! – громко сказала Мирра, закрывая дверь. – Здравствуйте, Анна Петровна! Здравствуйте, Степан Матвеич! Здравствуйте, люди!

Голос ее гулко проплыл под сводами каземата и не заглох, а как бы растаял.

– Здравствуйте, – сказал Коля.

Глаза немного привыкли к полумраку, и он различил двух женщин – толстую и не очень толстую – и усатого старшину, присевшего на корточки перед

железной печуркой.

- А, щебетуха пришла, - усмехнулся усатый.

Женщины сидели за большим столом, заваленным мешками, пакетами, консервными банками, пачками чая. Они что-то сверяли по бумажкам и никак не отреагировали на их появление. И старшина не вытянулся, как полагалось при появлении старшего по званию, а спокойно ковырялся с печкой, затапливая в нее обломки ящиков. На печурке стоял огромный жестяной чайник.

- Здравствуйте, здравствуйте! - Мирра обняла женщин и по очереди поцеловала. - Уже все получили?

- Я тебе когда велела приходить? - строго спросила толстая. - Я тебе к восьми велела приходить, а ты к рассвету являешься и совсем не спишь.

- Ай, тетя Христя, не ругайтесь. Я еще отосплюсь.

- Командира где-то подцепила, - не без удовольствия отметила та, что была помоложе, Анна Петровна. - Какого полка, товарищ лейтенант?

- Я в списках еще не значусь, - солидно сказал Коля. - Только что прибыл...

- И уже испачкался, - весело перебила девушка. - Упал на ровном месте.

- Бывает, - благодушно сказал старшина.

Он чиркнул спичкой, и в печурке загудело пламя.

- Щеточку бы, - вздохнул Коля.

- Здорово извалялся, - сердито проворчала тетя Христя. - А пыль наша въедлива особо.

- Выручай его, Миррочка, - улыбнулась Анна Петровна. - Из-за тебя, видно, он на ровном месте падал.

Люди здесь были своими и поэтому разговаривали легко, не боясь задеть собеседника. Коля почувствовал это сразу, но пока еще стеснялся и отмалчивался. Тем временем Мирра разыскала щетку, вымыла ее под висевшим в углу рукомошкой и совсем по-взрослому сказала:

– Пойдем уж чиститься, горе... чье-то.

– Я сам! – поспешно сказал он. – Сам, слышите?

Но девушка, припадая на левую ногу, невозмутимо шла к дверям, и Коля, недовольно вздохнув, поплелся следом.

– Во, обратала! – с удовольствием отметил старшина Степан Матвеевич. – Правильно, щебетуха: с нашим братом только так и надо.

Несмотря на протесты, Мирра энергично вычистила его, сухо командуя: «Руки!», «Повернитесь!», «Не вертите!» Коля сначала спорил, а потом примолк, поняв, что сопротивление бессмысленно. Покорно поднимал руки, вертелся или, наоборот, не вертелся, сердито скрывая раздражение. Нет, он не обижался на эту девчонку за то, что она в данный момент не без удовольствия вертела им, как хотела. Но прорывавшиеся в ее тоне нотки, явно покровительственные, выводили его из равновесия. Мало того, что он был минимум на три года старше ее, – он был командиром, полномочным распорядителем судеб целого взвода, а девчонка вела себя так, будто не он, а она была этим командиром, и Коля очень обижался.

– И не вздыхайте! Я же из вас пыль выколачиваю, а вы вздыхаете. А это вредно.

– Вредно, – не без значения подтвердил он. – Ох и вредно!

Светало, когда они той же крутой лестницей спустились в склад. На столе остался только хлеб, сахар да кружки, и все сидели вокруг и неторопливо разговаривали, ожидая, когда же наконец закипит огромный жестяной чайник. Кроме женщин и усатого старшины, здесь оказались еще двое: хмурый старший сержант и молоденький, смешно остриженный под машинку красноармеец. Красноармеец все время отчаянно зевал, а старший сержант сердито рассказывал:

– Ребята в кино пошли, а меня начбой хватает. «Стой, говорит, Федорчук, дело, говорит, до тебя». Что, думаю, за дело? А дело вон какое. «Разряди, говорит, Федорчук, все диски, выбей, говорит, из лент все патроны, перетри, говорит, их начисто, наложи смазку и снова набей». Во! Тут на целую роту три дня без перекура занятий. А я – один: две руки, одна башка. «Помощь, говорю, мне». И дают мне в помощь вот этого петуха, Васю Волкова, первогодка стриженного. А что он умеет? Он спать умеет, пальцы себе киянкой отшибать умеет, а больше ничего он пока не умеет. Верно говорю, Волков?

В ответ боец Вася Волков со вкусом зевнул, почмокал толстыми губами и неожиданно улыбнулся:

– Спать охота.

– Спать! – с неудовольствием сказал Федорчук. – Спать у маменьки будешь. А у меня ты, Васятка, будешь патроны из пулеметных лент выколачивать аж до подъема. Понял? Вот чайку сейчас поьем и обратно заступим в наряд. Христина Яновна, ты нам сегодня заварочки не пожалей.

– Деготь налью, – сказала тетя Христя, высыпая в кипящий чайник целый кубик заварки. – Сейчас настоится, и перекусим. Куда это вы, товарищ лейтенант?

– Спасибо, – сказал Коля. – Мне в полк надо, к дежурному.

– Успеется, – сказала Анна Петровна. – Служба от вас не убежит.

– Нет, нет. – Коля упрямо помотал головой. – Я и так опоздал: в субботу должен был прибыть, а сейчас уже воскресенье.

– Сейчас и не суббота, и не воскресенье, а тихая ночь, – сказал Степан Матвеевич. – А ночью и дежурным подремать положено.

– Садитесь лучше к столу, товарищ лейтенант, – улыбнулась Анна Петровна. – Чайку поьем, познакомимся. Откуда будете-то?

– Из Москвы. – Коля немного помялся и сел к столу.

- Из Москвы, - с уважением протянул Федорчук. - Ну, как там?

- Что?

- Ну, вообще.

- Хорошеет, - серьезно сказал Коля.

- А как с промтоварами? - поинтересовалась Анна Петровна. - Здесь с промтоварами очень просто. Вы это учтите, товарищ лейтенант.

- А ему-то зачем промтовары? - улыбнулась Мирра, садясь за стол. - Ему наши промтовары ни к чему.

- Ну, как сказать, - покачал головой Степан Матвеевич. - Костюм бостоновый справить - большое дело. Серьезное дело.

- Гражданского не люблю, - сказал Коля. - И потом, меня государство обеспечивает полностью.

- Обеспечивает, - неизвестно почему вздохнула тетя Христя. - Ремнями оно вас обеспечивает: все в сбруе ходите.

Сонный красноармеец Вася перебрался от печурки к столу. Сел напротив, глядел в упор, часто моргая. Коля все время встречал его взгляд и, хмурясь, отводил глаза. А молоденький боец ничего не стеснялся и разглядывал лейтенанта серьезно и досконально, как ребенок.

Неторопливый рассвет нехотя вползал в подземелье сквозь узкие отдушины. Накапливаясь под сводчатым потолком, медленно раздвигал тьму, но она не рассеивалась, а тяжело оседала в углах. Желтые лампочки совсем затерялись в белесом полумраке. Старшина выключил их, но темнота была еще густой и недоброй, и женщины запротестовали:

- Темно!

- Экономить надо энергию, - проворчал Степан Матвеевич, вновь зажигая свет.

- Сегодня свет в городе погас, - сказал Коля. - Наверно, авария.
- Возможное дело, - лениво согласился старшина. - У нас своя подстанция.
- А я люблю, когда темно, - призналась Мирра. - Когда темно - не страшно.
- Наоборот! - сказал Коля, но тут же спохватился: - То есть, конечно, я не о страхе. Это всякие мистические представления насчет темноты.

Вася Волков снова очень громко и очень сладко зевнул, а Федорчук сказал с той же недовольной гримасой:

- Темнота - вора́м удобство. Воровать да грабить - для того и ночь.
 - И еще кой для чего, - улыбнулась Анна Петровна.
 - Ха! - Федорчук зажал смешок, покосился на Мирру. - Точно, Анна Петровна. И это, стало быть, воруем, так понимать надо?
 - Не воруем, - солидно сказал старшина. - Прячем.
 - Доброе дело не прячут, - непримиримо проворчал Федорчук.
 - От сглазу, - веско сказала тетя Христя, заглядывая в чайник. - От сглазу и доброе дело подальше прячут. И правильно делают. Готов наш чайник, берите сахар.
- Анна Петровна раздала по куску колючего синеватого сахара, который Коля положил в кружку, а остальные стали дробить на более мелкие части. Степан Матвеевич принес чайник, разлил кипяток.
- Берите хлебушко, - сказала тетя Христя. - Выпечка сегодня удалась, не переквасили.
 - Чур, мне горбушку! - быстро сказала Мирра.

Завладев горбушкой, она победоносно посмотрела на Колю. Но Коля был выше этих детских забав и поэтому лишь покровительственно улыбнулся. Анна Петровна покосилась на них и тоже улыбнулась, но как бы про себя, и Коле это не понравилось.

«Будто я за ней бегаю, – обиженно подумал он про Мирру. – И чего все выдумывают?..»

– А маргаринчику нет у тебя, хозяйюшка? – спросил Федорчук. – Одним хлебушком сил не напасешь...

– Поглядим. Может, и есть.

Тетя Христя прошла в серую глубину подвала; все ждали ее и к чаю не притрагивались. Боец Вася Волков, получив кружку в руки, зевнул в последний раз и окончательно проснулся.

– Да вы пейте, пейте, – сказала из глубины тетя Христя. – Пока тут найдешь...

За узкими щелями отдушины холодно полоснуло голубоватое пламя. Колыхнулись лампочки под потолком.

– Гроза, что ли? – удивилась Анна Петровна. Тяжкий грохот обрушился на землю. Вмиг погас свет, но сквозь отдушины в подвал то и дело врывались ослепительные вспышки. Вздогнули стены каземата, с потолка сыпалась штукатурка, и сквозь оглушительный вой и рев все яснее и яснее прорывались раскатистые взрывы тяжелых снарядов.

А они молчали. Молчали, сидя на своих местах, машинально стряхивая с волос сыпавшуюся с потолка пыль. В зеленом свете, врывавшемся в подвал, лица казались бледными и напряженными, словно все старательно прислушивались к чему-то, уже навеки заглушенному тугим ревом артиллерийской канонады.

– Склад! – вдруг закричал Федорчук, вскакивая. – Склад боепитания взорвался! Точно говорю! Лампу я там оставил! Лампу!..

Рвануло где-то совсем рядом. Затрещала массивная дверь, сам собой сдвинулся стол, рухнула штукатурка с потолка. Желтый удушливый дым пополз в отдушины.

- Война! - крикнул Степан Матвеевич. - Война это, товарищи, война!

Коля вскочил, опрокинув кружку. Чай пролился на так старательно вычищенные брюки, но он не заметил.

- Стой, лейтенант! - Старшина на ходу схватил его. - Куда?

- Пустите! - кричал Коля, вырываясь. - Пустите меня! Пустите! Я в полк должен! В полк! Я же в списках еще не значусь! В списках не значусь, понимаете?!

Оттолкнув старшину, он рванул засыпанную обломками кирпича дверь, боком протиснулся на лестницу и побежал наверх по неудобным стертým ступенькам. Под ногами громко хрустнула штукатурка.

Наружную дверь смело взрывной волной, и Коля видел оранжевые сполохи пожаров. Узкий коридор уже заволакивало дымом, пылью и тошнотворным запахом взрывчатки. Тяжко вздрагивал каземат, все вокруг выло и стонало, и было 22 июня 1941 года, четыре часа пятнадцать минут по московскому времени...

Часть вторая

1

Когда Плужников выбежал наверх - в самый центр незнакомой, полыхающей крепости, - артиллерийский обстрел продолжался, но в ритме его наступило какое-то замедление: немцы начали переносить огневой вал на внешние обводы. Снаряды еще продолжали падать, но падали уже не бессистемно, а по строго запланированным квадратам, и поэтому Плужников успел оглядеться.

Кругом все горело. Горела кольцевая казарма, дома возле церкви, гаражи на берегу Муховца. Горели машины на стоянках, будки и временные строения, магазины, склады, овощехранилища – горело все, что могло гореть, а что не могло – горело тоже, и в реве пламени, в грохоте взрывов и скрежете горящего железа металась полуголые люди.

И еще кричали лошади. Кричали где-то совсем рядом, у коновязи, за спиной Плужникова, и этот необычный, неживотный крик заглушал сейчас все остальное, даже то жуткое, нечеловеческое, что изредка доносилось из горящих гаражей. Там, в промасленных и пробензиненных помещениях с крепкими решетками на окнах, в этот час заживо сгорали люди.

Плужников не знал крепости. Они с девушкой шли в темноте, а теперь эта крепость предстала перед ним в снарядных всплесках, дыму и пламени. Вглядевшись, он с трудом определил трехарочные ворота и решил бежать к ним, потому что дежурный по КПП должен был обязательно запомнить его и объяснить, куда теперь являться. А явиться куда-то, кому-то доложить было просто необходимо.

И Плужников побежал к воротам, прыгая через воронки и завалы земли и кирпича и прикрывая затылок обеими руками. Именно затылок: было невыносимо представить себе, что в его аккуратно подстриженный и такой беззащитный затылок каждое мгновение может вонзиться иззубренный и раскаленный осколок снаряда. И поэтому он бежал неуклюже, балансируя телом, странно сцепив руки на затылке и спотыкаясь.

Он не расслышал тугого снарядного рева: рев этот пришел позже. Он всей спиной почувствовал приближение чего-то беспощадного и, не снимая рук с затылка, лицом вниз упал в ближайшую воронку. В считанные мгновения до взрыва он руками, ногами, всем телом, как краб, зарывался в сухой неподатливый песок. А потом опять не расслышал разрыва, а почувствовал, что его вдруг со страшной силой вдавило в песок, вдавило настолько, что он не мог вздохнуть, а лишь корчился под этим гнетом, задыхаясь, хватая воздух и не находя его во вдруг наступившей тьме. А затем что-то грузное, но вполне реальное навалилось на спину, окончательно пригасив и попытки глотнуть воздуха, и остатки в клочья разорванного сознания.

Но очнулся он быстро: он был здоров и яростно хотел жить. Очнулся с тягучей головной болью, горечью в груди и почти в полной тишине. Вначале он – еще

смутно, еще приходя в себя – подумал, что обстрел кончился, но потом сообразил, что просто ничего не слышит. И это совсем не испугало его; он вылез из-под завалившего его песка и сел, все время сплевывая кровь и противно хрустевший на зубах песок.

«Взрыв, – старательно подумал он, с трудом разыскивая слова. – Должно быть, тот склад завалило. И старшину, и девчонку ту с хромой ногой...»

Думал он об этом тяжело и равнодушно, как о чем-то очень далеком и во времени и в пространстве, пытался вспомнить, куда и зачем он бежал, но голова еще не слушалась. И он просто сидел на дне воронки, однообразно раскачиваясь, сплевывал окровавленный песок и никак не мог понять, зачем и почему он тут сидит.

В воронке ядовито воняло взрывчаткой. Плужников лениво подумал, что надо бы вылезти наверх, что там он скорее отдышится и придет в себя, но двигаться мучительно не хотелось. И он, хрипя натруженной грудью, глотал эту тошнотную вонь, при каждом вздохе ощущая неприятную горечь. И опять не услышал, а почувствовал, как кто-то скатился на дно за его спиной. Шея не ворочалась, и повернуться пришлось всем телом.

На откосе сидел парнишка в синей майке, черных трусах и пилотке. По щеке у него текла кровь; он все время вытирал ее, удивленно глядел на ладонь и вытирал снова.

– Немцы в клубе, – сказал он.

Плужников половину понял по губам, половину расслышал.

– Немцы?

– Точно. – Боец говорил спокойно: его занимала только кровь, что медленно сползала по щеке. – По мне жажнули. С автомата.

– Много их?

– А кто считал? По мне один жажнул, и то я щеку побил.

- Пулей?

- Не. Упал я.

Они разговаривали спокойно, будто все то была игра и мальчишка с соседнего двора ловко выстрелил из рогатки. Плужников пытался осознать себя, почувствовать свои собственные руки и ноги, спрашивал, думая о другом, и лишь ответы ловил напряженно, потому что никак не мог понять, слышит он или просто догадывается, о чем говорит тот парнишка с расцарапанной щекой.

- Кондакова убило. Он слева бежал и упал сразу. Задергался и ногами забил, как припадочный. И киргиза того, что дневалил вчера, тоже убили. Того раньше.

Боец говорил что-то еще, но Плужников вдруг перестал его слушать. Нет, теперь он слышал почти все - и ржание покалеченных лошадей у коновязи, и взрывы, и рев пожаров, и далекую стрельбу, - он все слышал и поэтому успокоился и перестал слушать. Он переварил в себе и понял самое главное из того, что успел наговорить ему тот красноармеец: немцы ворвались в крепость, и это означало, что война действительно началась.

- ...А из него кишки торчат. И вроде - дышат. Сами собой дышат, ей-богу!..

Голос разговорчивого паренька ворвался на мгновение, и Плужников - теперь он уже контролировал себя - тут же выключил это бормотание. Представился, назвал полк, куда был направлен, спросил, как до него добраться.

- Подстрелят, - сказал боец. - Раз они в клубе - в церкви бывшей, значит, - так обязательно жажнут. Из автоматов. Оттуда им все - как на ладошке.

- А вы куда бежали?

- За боеприпасом. Нас с Кондаковым в склад боепитания послали, а его убило.

- Кто послал?

- Командир какой-то. Все перепуталось, не поймешь, где твой командир, где чужой. Бегали мы сперва много.

– Куда приказано было доставить боеприпасы?

– Так ведь в клубе немцы. В клубе, – неторопливо и доброжелательно, точно ребенку, объяснил боец. – Куда ни приказывали, а не пробежать. Как жажнут...

Он любил это слово и произносил его особенно впечатляюще: в слове слышалось жужжание. Но Плужникова больше всего интересовал сейчас склад боепитания, где он надеялся раздобыть автомат, самозарядку или, на худой конец, обычную трехлинейку с достаточным количеством патронов. Оружие давало не только возможность действовать, не только стрелять по врагу, засевшему в самом центре крепости, – оружие обеспечивало личную свободу, и он хотел заполучить его как можно скорее.

– Где склад боепитания?

– Кондаков знал, – нехотя сказал боец.

Кровь по щеке больше не текла – видно, засохла, – но он все время бережно ощупывал грязными пальцами глубокую ссадину.

– Черт! – рассердился Плужников. – Ну, где он может быть, этот склад? Слева от нас или справа? Где? Ведь если немцы проникли в крепость, они же на нас могут наткнуться, это вы соображаете? Из пистолета не отстреляешься.

Последний довод заметно озадачил парнишку: он перестал ковырять коросту на щеке, тревожно и осмысленно глянул на лейтенанта.

– Вроде слева. Как бежали, так он справа был. Или – нет: Кондаков-то слева бежал. Погодите, гляну, где он лежит.

Повернувшись на живот, он ловко пополз вверх. На краю воронки оглянулся, став вдруг очень серьезным, и, сняв пилотку, осторожно высунул наружу стриженную под машинку голову.

– Вон Кондаков, – не оглядываясь, приглушенно сообщил он. – Не дергается больше, все. А до склада мы чуток только не добежали: вижу его. И вроде он не разбомбленный.

Оступаясь – ему очень не хотелось ползти при этом молоденьком красноармейце, – Плужников поднялся на откос, лег рядом с бойцом и выглянул: неподалеку действительно лежал убитый в гимнастерке и галифе, но без сапог и пилотки. Темная голова отчетливо виднелась на белом песке. Это был первый убитый, которого видел Плужников, и жуткое любопытство невольно притягивало к нему. И поэтому молчал он долго.

– Вот тебе и Кондаков, – вздохнул боец. – Конфеты любил, ириски. А жаден был – хлебца не выпросишь.

– Так. Где склад? – спросил Плужников, с усилием отрываясь от убитого Кондакова, который был когда-то жадным и очень любил ириски.

– А вон бугорок вроде. Видите? Только вход где в него, это не знаю.

Недалеко от склада, за изрытой снарядами, изломанной зеленью, виднелось массивное здание, и Плужников понял, что это и есть клуб, в котором, по словам бойца, уже засели немцы. Оттуда слышались короткие автоматные очереди, но куда они били, Плужников понять не мог.

– По Белому дворцу салют, – сказал боец. – Левей гляньте. Инженерное управление.

Плужников глянул: за низкой оградой, окружавшей двухэтажное, уже меченное снарядами здание, лежали люди. Он отчетливо видел огоньки их частых беспорядочных выстрелов.

– По моей команде бежим до... – Он запнулся, но продолжал: – До Кондакова. Там падаем, даже если немцы не откроют огня. Поняли? Внимание. Приготовились. Вперед!

Он бежал в рост, не пригибаясь, не столько потому, что голова его еще кружилась, а чтобы не выглядеть трусом в глазах этого перепуганного парнишки в синей майке. На одном дыхании он домчался до убитого, но не остановился, как сам же приказывал, а побежал дальше, к оружейному складу. И только добежав до него, вдруг испугался, что вот сейчас-то его и убьют. Но тут, громко дыша, притопал боец, и Плужников поспешно отогнал

от себя страх и даже улыбнулся этому смешному стриженому красноармейцу:

– Чего пыхтишь?

Боец ничего не ответил, но тоже улыбнулся, и обе эти улыбки были похожи друг на друга как две капли воды.

Они трижды обошли земляной бугор, но нигде не нашли ничего похожего на вход. Все вокруг было уже взрыто и вздыблено, и то ли вход завалило при обстреле, то ли боец что-то напутал, то ли мертвый Кондаков бежал совсем не в ту сторону, а только Плужников понял, что вновь остался с одним пистолетом, променяв удобную дальнюю воронку на почти оголенное место рядом с церковью. Он с тоской оглянулся на низкую ограду Белого дворца, на беспорядочные огоньки выстрелов: там были свои, и Плужникову нестерпимо захотелось к ним.

– К нашим бежим, – не глядя сказал он. – Как скажу «три». Готов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/boris-vasilev/v-spiskah-ne-znachilsya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)